

18+ **ЕГОР СЕРГЕЕВИЧ КУРГАНОВ**

Там, где не хоронят

Егор Курганов

Там, где не хоронят

«Издательские решения»

Курганов Е. С.

Там, где не хоронят / Е. С. Курганов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он вернулся в Гленвилль хоронить родителей. И остался — потому что увидел её. Она не ждала пять лет. Но и не забыла. Прошлое здесь не умирает. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

I	6
II	10
III	15
IV	23
V	28
VI	35
VII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Там, где не хоронят

Егор Сергеевич Курганов

© Егор Сергеевич Курганов, 2026

ISBN 978-5-0069-7678-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

«Закусочная Ребекки» была институтом городской жизни, а не просто столовой. Таким же незыблемым, как трещина на асфальте перед ней или красный пожарный гидрант, чуть в стороне от входа, которому, казалось, сто лет. Она уютилась в угловом здании, стены которого когда-то были белыми, но теперь отливали серовато-жёлтым цветом папирусной бумаги от постоянного солнца и пыли проезжающих грузовиков.

Неоновая вывеска с названием давно сдалась: половина букв не горела, и холодными вечерами она робко предлагала прохожим просто «...кусочная Ребе...». Неисчерпаемый повод для шуток, как у новичков, так и завсегдатаев.

Дверь, обитая потрескавшимся дерматином, с привычным дребезгом колокольчика впускала внутрь. Воздух ударял в лицо почти осязаемым коктейлем: едкий жир с раскалённой сковороды, сладковатый пар от перца чили, который, кажется, варили здесь с утра, и кисловатый запах чего-то старого, въевшегося в стены. Всё это висело под табачным дымом — «Винстон» здесь курили почти все, тем более что уже неделю на него держалась скидка.

Вдоль левой стены тянулась длинная стойка-бар из тёмного дерева, постоянно от чего-то липкая, за которой властвовала массивная хромированная эспрессо-машина с вентилями и рычагами, похожими на приборную панель старого самолёта.

За стойкой, у плиты, двигалась единственная оживлённая точка во всей этой застывшей картине — Ребекка, хозяйка и вечная официантка здесь, в заляпанном жиром белом фартуке. Её ловкие руки швыряли на гриль котлеты, закидывали на сковороду яйца, стейки и одним движением наполняли до краёв толстые керамические кружки чёрным, как смоль, кофе.

Над стойкой висел маленький, чёрно-белый телевизор «Филко», его экран мерцал и плыл, показывая мыльную оперу, бейсбол или новости, но на него почти никто не смотрел. Сейчас он передавал очередной репортаж из Вашингтона. Звук был вывернут на ноль — здесь царило своё царство звуков из приглушённых разговоров.

Это было место без времени.

Здесь 1969-й год ощущался, как 1959-й, а мог быть и 1979-й.

У окна, в своей привычной «кабинке», сидели двое завсегдатаев. Хэнк, бывший механик с сильно волосатыми руками, до которых уже добралась седина, и Джо, помоложе, в заношенных ковбойской шляпе и рубашке на выпуск.

Хэнк тыкал вилкой в стейк, кивнув в сторону молчащего экрана, где мелькало серьёзное лицо какого-то чиновника.

— Опять эти умники в галстуках жизнь нашу устраивают, — хрипло проворчал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Джо проследил за его взглядом.

— Это кто ж теперь? Макнамара что ли?

— Какой-то его подручный. Опять про армию свою толкуют и, наверняка, опять про «новые стандарты», — Хэнк фыркнул и отпил глоток кофе, густого и чёрного. — Стандарты они понизили. До уровня плитуса, если не ниже.

Джо мрачно усмехнулся

— Слышал я. Мой племянник, тот, что из Карсон-Сити, писал. Говорит, у них теперь в части парень есть, который инструкцию от туалетной бумаги прочитать не может. Зато в окопе сидеть может. Или пулю ловить.

Они оба замолчали, глядя на немые, скачущие картинки. По экрану прошла строчка: «Поддержка призывной кампании».

— До чего ж докатились, — тихо, почти про себя, сказал Хэнк, отодвигая тарелку. — Раньше хоть отбор был. А теперь... дебилов собирают. Чтоб на войну отправлять. Цифры им нужны, а не люди. Цифры в отчётах, я тебе говорю!

Он не успел добавить ничего ещё. К их столику подошла Ребекка с дымящимся кофейником в руке. Её лицо, слегка помятое долгими годами, не выражало никаких эмоций. Она одним движением налила Джо кофе, потом Хэнку. Затем её взгляд скользнул на телевизор. Без лишних слов она потянулась к пульту, валяющемуся рядом со свежим номером «Гленвилльского вестника», и нажала на кнопку. Слабый, хриплый звук голоса диктора на секунду ожил, заполнил пространство и так же резко оборвался.

— Надоело, — коротко бросила она, убирая пульт в карман фартука. — И вам советуую не забивать голову. От этого стейк сочнее не станет.

И, шлёпая стоптанными туфлями, она пошла к следующему столику.

Стекло в окне закуской было старым, но сияло, будто его мыли не один раз за день. Сквозь него мир выглядел чуть мягче, чем он был на самом деле. В выцветшем воздухе городка не чувствовалось ничего особенного — всё тот же облупившийся фасад, тусклые фонари, и... дворняга, лениво пробегающая мимо и по привычке поднимающая лапу над гидрантом.

Тейлор смотрел на неё так, будто в этой самой минуте было больше смысла, чем во всех предыдущих пяти годах. Его глаза — цвета штормового моря — не выражали ни раздражения, ни улыбки. Только усталое, неподъёмное «зачем» мужчины, едва достигшего двадцатипятилетнего возраста.

Он вернулся. После долгих пяти лет бегства — от слишком правильных родителей, от города, от тишины, от самого себя. Полицейская академия, перспектива Нью-Йорка, казалось, всё шло правильно, гладко, как по расписанию. И вдруг — звонок. Сухая речь мэра, слишком ровный голос: автокатастрофа. Заезжая фура. Водитель трезв, день ясный, только сна у него не хватило. Какая теперь разница?

На похоронах Тейлор почти не слышал слов. Люди вставали, качали головами, произносили чужие, одинаковые речи. Он говорил тоже — коротко, правильно, как и все, но внутри был пуст. Он и при жизни родителей тратил на них не больше пяти минут раз в несколько дней. Пять минут дежурных фраз, и всё. А теперь тишина. И вина, которая не укладывалась ни в какие слова.

Мэр подошёл после, пожал руку и говорил что-то о долге, о городе, о том, что отец до последнего верил в возвращение сына. «На месяц, на два, пока не пришлют кандидата с округа, — говорил он. — Ты ведь учился на полицейского, Тейлор. Встань на место отца. Шерифом. Город тебя примет».

Тейлор тогда кивнул. Даже не знал, согласился ли он на самом деле или просто устал от убеждений, от взглядов, от слов. И вот он здесь, за стойкой в старой закуской, в форме шерифа. Без отца. Без планов. С городом, который он покинул и который, похоже, всё это время никуда не исчезал.

Эспрессо-машина издала звук, похожий на вздох, — устала жить в этом городе?

Тейлор сидит у окна. С виду случайно, но в его позе есть что-то обрядовое, будто он пришёл сюда специально, чтобы взглядеться в своё прошлое. Его взгляд упустил дворнягу и теперь упирается в пожарный гидрант — и он смотрит на него так, словно тот может ответить за всё: за годы молчания, за отца, за дорогу, которая увела слишком рано...

Краем глаза он замечает движение. Чёрный катафалк медленно, почти торжественно проплывает мимо закуской. Как будто специально... Тейлор, не без усилия, отогнал эту мысль. Переключился, но и следующая не принесла покоя.

Он знал: вернуться — значит рано или поздно встретить и её. Он надеялся, что это случится потом. Намного потом.

И вдруг — он поднимает глаза. На улице, под светом фонаря, стоит Эшли. Собиралась зайти в закусочную. Увидела его.

Она изменилась. Чуть старше, чуть твёрже в чертах, но узнавание пронзает мгновенно — как запах дома, как голос близкого, который узнаёшь и во сне.

Время становится густым и вязким. Он смотрит ей прямо в глаза.

И там шрам. Не физический. Внутренний, тонкий, свежий. Такой, что больно самому.

Эшли не улыбается. И не удивлена. Она просто смотрит.

Так не смотрят на чужого. Так смотрят на того, кто когда-то был всем, а потом выбрал уйти.

В груди Тейлора что-то сжимается до боли. Все те слова, которые он однажды написал в письме — про шанс, про академию, про Нью-Йорк, про мечту — сейчас звучат фальшиво, как дешёвое оправдание. Да, он уезжал за будущим. Но в ту ночь он даже не попрощался. Сбежал, словно её любовь была цепью, а не вдохновением. Цепью, которую он порвал.

Он хотел бы сказать: «Я не умел иначе. Я думал, что так будет правильно. Я хотел большего, Эшли».

Но слов нет.

Она отводит взгляд.

И просто уходит. Без драматического разворота, без укора — спокойно, размеренно. Так, как уходят навсегда.

Тейлор остаётся сидеть.

Возвращает глаза к гидранту — цепляется за красный металл, будто за спасательный круг. Но теперь он кажется издёвкой: пустой символ тревоги, которую когда-то зажёл сам и бросил гореть.

С улицы тянет холодом.

А в груди — пустота. Та самая, в которую не помещается даже Нью-Йорк.

— А чего ты ждал, Тейлор? — женский голос раздался за спиной.

Он вздрогнул. Голос узнал сразу. Слишком живой для этой застывшей минуты.

Ребекка. Мачеха Эшли. Она пришла в её жизнь через два года после смерти матери, и просто осталась — без разговоров и попыток занять чужое место в её душе. К Тейлору относилась спокойно, как к своему, и, кажется, одобряла его без лишних слов. Её отличал взгляд... перед которым врать не получалось.

Тейлор медленно повернулся. Но глаза её так и не встретил. Его взгляд упал ниже — на её руки, держащие поднос. На нём дымился кофе и лежала яичница, такая, что пахла бы домом, если бы дом ещё существовал.

— Действительно... а что тут скажешь? — пробормотала Ребекка и Тейлор ясно почувствовал, что она чуть нахмурилась.

Она поставила поднос и перенесла содержимое на столик — аккуратно, без лишнего шума. Тарелка и чашка оказались прямо перед Тейлором.

Он смотрел на яичницу, поднял вилкой кусок... и понял: не идёт. Хоть и аппетитно, хоть и пустой желудок, — не до еды. Внутри было глухо.

Тейлор перевёл взгляд на окно, но видел за ним сейчас не тусклую улицу, а другое место. Тот самый старый амбар на отшибе, у которого земля была утоптана до глянца и пахла чем-то кислым, животным.

Первое же дело в должности шерифа. Пришло к нему в виде почтового конверта, чистого в графах отправитель и адресат. Лежало на пассажирском сиденье машины, будто подкинули в приоткрытую щёлочку окна. Внутри, записка и фотографии — смазанные, тёмные, но на них угадывались глаза, полные немого ужаса, ярости, и тела со шрамами. Собаки.

Он помнил, как сжалась его гортань от тошноты. Он поехал немедленно.

Машина ещё не заглохла, как из-за дверей амбара донёлся звук — не лай, не рык. Короткие, пронзительный, обрывающийся визг. Точка. Тишина.

Тейлор выскочил из машины.

— БУТЧ! — крикнул Тейлор. Именно это имя значилось в анонимном послании.

Дверь амбара приоткрылась, и на пороше возник, видимо, сын Бутча, здоровенный детина, вытирающий руки о засаленные штаны. Увидев форму, он замер, но в его глазах мелькнула быстрая, хищная оценка, и ни следа испуга.

— Ты Бутч?

Детина отрицательно покачал головой.

— Бутча! — бросил Тейлор, и его собственный голос прозвучал хрипло и чуждо. — Немедленно!

Из темноты, из-за спины сына, медленно вышел мужчина в солидном возрасте. Сам Бутч. Не торопясь. На его лице была уверенность, почти насмешка.

— Чего надо... шериф? — спросил он спокойно.

— Открывай амбар. Сейчас же.

— Ордер есть?

Это слово — «ордер» — прозвучало, как пощёчина. Воспоминание о том визге ударило в виски. Тейлор двинулся вперёд, его рука сама потянулась и вцепилась в рукав Бутча.

— Я сказал, открывай!

И тогда Бутч сделал нечто немыслимое. Он не сопротивлялся. Он обмяк и с театральным стоном рухнул на землю, будто его сбили с ног.

— Пап! — завопил сын и ринулся вперёд, подставляясь под Тейлора, защищая «пострадавшего» отца.

Тейлор, ослеплённый яростью, оттолкнул его. Толчок был несильный, но парень с преувеличенным воплем отлетел к стене амбара и съехал по ней, закатывая глаза.

И тут же, словно из-под земли, возникли они. Несколько мужчин в кожаных куртках и дорогих, но грязных ботинках. Зрители. «Свидетели».

— Ты чего людей бьёшь, шериф? — сипло спросил один, с лицом обрюзгшего мажора. — Без ордера суёшься, права качаешь! Что-то требуешь!

— Ещё раз здесь появишься — мы все дружно к окружному прокурору пойдём. Дадим нужные показания, — поддержал другой, помельче, пряча глаза.

Бутч медленно поднялся с земли, отряхнулся. На его лице не было ни злости, ни боли. Только холодное, торжествующее презрение.

— Понял, шериф? — тихо спросил он, глядя Тейлору прямо в глаза. — Понял, что будет, если начнёшь раскачивать лодку? Иди своей дорогой. Мы — своей.

Он развернулся и, не спеша, скрылся в тёмном проёме амбара, уводя за собой сына и свидетелей. Перед тем, как захлопнулась дверь, Тейлор услышал звук — собачий рык, стремительно переходящий в визг. Почему то пришла мысль: «Добили проигравшего.»

Тейлор остался один посреди пыльной площадки, слушая, как бьётся его собственное сердце. Он не спас собак. Он не доказал правду. Он вляпался в провокацию. Первое дело. И полный, оглушительный провал...

И Эшли...

Он взялся за кофе. Горячая горечь обожгла язык, и в этом ощущении было хоть что-то живое.

II

Комната Эшли была маленьким, собранным из простых вещей островком уюта. Ничего лишнего — кровать, узкий шкаф, стол у окна и стул с потёртой спинкой. Всё выглядело так, будто здесь живут не ради красоты, а ради порядка. Но стоило задержать взгляд, как проступали детали: на стенах — выцветшие вырезки из газет, кое-где закреплённые неровно, между ними — засушенные полевые цветы, а на столе и подоконнике — книги, разные, не из одного набора, словно собранные годами по случаю. Их было не так много, чтобы бросаться в глаза сразу, но достаточно, чтобы понять — они здесь не для вида. Свет керосиновой лампы мягко колыхался, цепляясь за бумагу и стекло, и комната казалась тише, чем остальной дом.

На кровати, поджав под себя ноги и лениво опираясь щекой на ладонь, сидела Джен — в коротком тёмном платье, как будто не совсем к месту в этой комнате, но именно поэтому притягивающем взгляд. Она выглядела уставшей, но даже в этой усталости оставалась слишком собранной, слишком живой, словно в любой момент могла выпрямиться, улыбнуться и снова стать центром внимания.

— Ну, Эш, читай уже своего «Великого Гэтсби», — пробормотала она, потирая глаза. — Или я тут усну.

Эшли, сидевшая на полу, не ответила. Она лишь подтянула к себе колени и открыла лежавшую на них потрёпанную, заляпанную чернилами тетрадь. Рыжие кудри, непослушные, выбивались во все стороны, падая на лицо; она машинально сдула прядь, не отрываясь от страниц. В ней не было той лёгкости, что в Джен — плотная, крепко сбитая, с руками, привыкшими к работе, она держалась прямо даже в такой позе, упрямо и спокойно, как человек, который не привык отступать ни в мелочах, ни в главном. Она задумалась на мгновение, потом её тихий, ровный голос нарушил тишину. Но это были не слова Фицджеральда.

— Солнце садится в ржаном поле,

И каждый стебель — будто нерв земли...

Джен перестала зевать. Она выпрямилась.

Эшли читала дальше, переходя от стихотворения к стихотворению:

— Она взывала к небу, но немо,

О боли лишь ветра её спроси...

Это не было высокопарной поэзией. Это была плотная, густая проза, переходящая в свободный стих — о земле, которая помнит шаги всех, кто по ней ходил, о старом амбаре, что «стоит, как застывший часовой, храня секреты спрятанных лет», о боли, которая «не кричит, а прорастает тихими трещинами в граните души».

Она читала о любви. Не о розовых соплях, а о чувстве, которое «не греет, а жжёт изнутри, как июльское солнце на выжженном поле», о котором «вспоминаешь не улыбкой, а молчаливым взглядом в спину уезжающего поезда».

Когда она закончила, в комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием фитиля в лампе. Джен смотрела на неё широко раскрытыми глазами. В них не было и тени сна.

— Боже, Эшли, — выдохнула она наконец. Голос её дрожал. — Это... это же невероятно. Это про нас. Про всё это. — Она махнула рукой в сторону окна, за которым спал тёмный мир фермы. — Ты должна это опубликовать. Серьёзно! В каком-нибудь журнале. Ты на этом... ты на этом состоянии сколотишь!

Эшли медленно закрыла тетрадь, словно стараясь запереть выпущенную на волю боль обратно. Она потупила взгляд, проводя пальцами по потрёпанной обложке.

— Не для этого, Джен, — тихо сказала она. — Не для денег и не для славы.

— Но почему?! — воскликнула подруга. — Это же талант! Это...

— Это как гнойник, — перебила её Эшли, поднимая на неё свои серьёзные, печальные глаза. — Понимаешь? Всё это копится здесь — она ткнула пальцем себе в висок, — и давит изнутри. Или оно должно вылиться на бумагу, или оно сожжёт тебя самого. Я не писатель. Я... я просто сливаю душу. Чтобы не сойти с ума.

Она произнесла это без пафоса, просто как констатацию факта. Поэзия была для неё такой же необходимостью, как доить корову или полоть огород. Это была гигиена души.

Джен молчала, наконец понимая. Она смотрела на свою подругу — на её грубые, рабочие руки, сжимающие исписанную тетрадь, на её простое лицо, озарённое внутренним огнём, который был невидим днём, при свете солнца. В этой комнате, в этот час, она была не дочерью фермера, а жрицей, проводником чего-то огромного и настоящего.

— Ладно, — тихо сказала Джен. — Тогда почитай ещё. Пожалуйста.

Эшли слабо улыбнулась и снова открыла тетрадь. Снаружи дул ветер, и где-то вдали мычала корова. Но здесь, в комнате, рождались вселенные.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Джек, на ходу вытирая руки о замасленную тряпку — видно, только что что-то чинил во дворе. Ему было уже за пятьдесят: седина в волосах, плотная, рабочая сила в плечах. Чуть выше среднего роста, крепкий, он стоял спокойно, заполняя собой проём. Его взгляд — один глаз серый, другой карий — скользнул по тетради, по Джен, и заметно смягчился.

— Извини, что отрываю. У Генри готово то колесо для трактора. Нужно съездить, забрать. Он погрузит сам, тебе только довести. Возьми пикап.

Эшли кивнула, поднимаясь с пола. Дело было пустяковое, но необходимое.

— Хорошо. Джен, поедешь со мной? Развеешься.

— О, нет, — засмеялась та, уже надевая куртку. — Мне хватит на сегодня приключений. Удачи с колесом, фермерша! А о публикации подумай. Серьёзно подумай!..

Вскоре Эшли уже вела старенький пикап по пыльной дороге в город.

Генри, молчаливый, как и его отец, вместе с сыном, погрузили массивное колесо в кузов, кивнули почти синхронно и удалились в свою мастерскую.

Задание было выполнено за пять минут. И вот она уже стояла на развилке, глядя на дорогу, ведущую к закусочной. К Ребекке.

«Зайду, — мелькнула мысль. — Проведаю. Просто так».

Она припарковалась чуть поодаль и направилась к знакомой двери, но замерла в нескольких шагах. Сквозь сияющее, вымытое стекло она увидела его. Тейлора. Вернулся?! Когда?!

Тейлор смотрел на неё.

Вид его силуэта за стеклом, этого знакомого до боли и абсолютно чужого профиля, ударил её в солнечное сплетение, вышибив воздух. Она резко развернулась.

«Нет. Только не сейчас. Только не сегодня».

Она прошла мимо закусочной, ускорив шаг, спиной чувствуя тот самый взгляд, который когда-то прожигал её насквозь, а теперь, она знала, будет скользить по ней как по чужой, невидящий и пустой. Холодок пробежал по коже, хотя вечер был тёплый.

Город вокруг неё не изменился. Тот же потрескавшийся асфальт, те же выцветшие вывески. Но сегодня он смотрел на неё иначе — не тихий, уютный мирок, а клетка с нарисованными стенами. Клетка, из которой он сбежал, а она осталась.

Она шла, не видя дороги, её пальцы судорожно сжимали друг друга.

«Нужно пройтись!»

В ушах стоял гул — гул тишины, которая наступила после того, как долгие годы назад заглох звук мотора его машины. Она тогда не плакала. Что-то в её душе просто замолкло. И молчало до сих пор.

Её путь лежал мимо старой беседки, вернее, того места, где она была. Теперь там лежала груда серых, полусгнивших досок, заросшая бурьяном. Она всегда обходила это место сторо-

ной. Сегодня она остановилась и смотрела на него, словно могла разглядеть в прошлом ответы на вопросы, которые даже не могла сформулировать.

«Зачем?» — билось в висках. Не «зачем он вернулся?», а «зачем он тогда уехал?». Зачем оставил слова в письме — про мечту, про будущее, про Нью-Йорк, — которые звучали, как насмешка? Зачем заставил её поверить, что она — его дом, а потом уехал, как будто дом этот стал ему тесен?

Она сжала кулаки, чувствуя, как подступают предательские слёзы. Гневные, жгучие. Она ненавидела себя за них. Ненавидела эту слабость.

Резко развернувшись, она пошла прочь, к пикапу. Нужно вернуться туда, где был труд, тяжёлый, физический, вышибающий из головы все мысли.

Голоса.

На старой скамейке, под раскидистым клёном, сидели две девушки. Высокая блондинка в балахоне с накинутым капюшоном — лица не разглядеть, только прядь светлых волос, выбившаяся из-под ткани. Рядом с ней — смуглая, среднего роста, на вид лет восемнадцать-двадцать, не больше. Она сидела, поджав под себя ногу, и слушала.

— Бекки, — говорила блондинка, — это же не навсегда. Я понимаю, что вы с матерью не ладили, но может, отец прав? Не нужно враждовать. И то дело, о котором рассказывал тебе отец... — она понизила голос, но Эшли всё равно услышала, потому что шла мимо. — Это может на тебе отразиться. Полгода у матери — и назад?

Бекки вздохнула. Эшли не видела её лица, но по голосу поняла: девушка устала от этого разговора.

— Я помню её хорошей, — сказала Бекки. — Но она себе на уме. Она меня любит, это чувствуется, но та, кем я стала, — лишь благодаря отцу. Он всегда был рядом. А она... она ушла.

Блондинка хотела что-то ответить, но Эшли уже прошла мимо. Она не обернулась. Ей было не до чужих разговоров. В голове всё ещё стоял Тейлор.

Зачем он заставил её поверить?

Она дошла до пикапа, села и завела мотор. Фары выхватили из темноты дорогу, и она покатила прочь.

Ферма.

Привычную тишину нарушает лишь мычание коровы в загоне и кудахтанье кур. Отец, сгрузи колесо и покатыл его к трактору. Он лишь кивнул ей в ответ на её появление. В их семье не было привычки к лишним словам. Боль утраты жены, а потом и бегство Тейлора выжгли в них всё лишнее, оставив лишь умение работать и молчать. Появившаяся в их жизни Ребекка, по сути, была такой же.

Эшли вышла из пикапа, попыталась захлопнуть дверь. С первого раза не получилось, только со второго.

Направилась к овчарне. Недавно окотилась одна из овец, нужно было проверить приплод.

Воздух в сарае был спёртым, пах шерстью, молоком и жизнью. Она замела в дверях, привыкая к полумраку. И тут её слух уловил странный звук. Не бляение ягнёнка, а тихие, прерывистый, хриплый писк. Полный такого отчаянного страдания, что у неё похолодело внутри.

Она бросилась вглубь, к загону. Молодая овца беспокойно переступала ногами, а у её ног, на грязной соломе, лежал её новорождённый ягнёнок. Но с ним что-то было не так. Он не пытался встать, не тянулся к вымени. Он просто лежал, неестественно выгнув шею, и хрипел, его бока судорожно вздымались. Он умирал.

«Нет», — прошептала Эшли, падая а колени рядом. Она аккуратно, дрожащими руками, попыталась поправить его голову, проверить, можно ли помочь. Но всё было бесполезно. Ягнёнок был жив, но жизнь из него утекала с каждым хриплым выдохом. Он был слишком слаб, а может что-то было повреждено внутри.

Она сидела на коленях в холодной, влажной соломе, и смотрела, как умирает крошечное, беззащитное существо. И вдруг это стало последней каплей. Всё, что она держала в себе годами — боль предательства, горечь одиночества, ярость от своей беспомощности, вся та пустота, что осталась после его ухода, — всё это нахлынуло на неё, сдавив горло.

Слёзы, которые она не позволила себе пролить у развалин беседки, хлынули потоком. Они текли по её грязным щекам, капали на шесть умирающего ягнёнка. Она не рыдала, не всхлипывала. Она просто плакала тихо и безнадежно, глядя тёплый, слабеющий бок своей рукой. Она плакала по нему, по их любви, по тому будущему, которое он увёз с собой в Нью-Йорк, по этому ягнёнку, по себе самой, застрявшей в этом городе, в этой жизни, из которой он сбежал.

Она сидела так, может быть, минуту, может быть, час. Пока ягнёнок не затих окончательно. Тишина в сарае стала абсолютной, давящей.

Эшли медленно поднялась. Её лицо, подсохшее от слёз, было каменным. Она взяла лопату, висевшую на стене, и вышла во двор. Молча, с яростной решимостью, начала копать. Копать яму под старой яблоней, на краю поля.

Она хоронила ягнёнка. И хоронила последние остатки той наивной девочки, что когда-то ждала его в беседке.

Когда всё было кончено, она вытерла лицо рукавом, оставив на нём грязные разводы. Её взгляд был пустым и твёрдым, как кремень. Она посмотрела в сторону города, туда, где осталась закусочная и он.

Боль никуда не делась. Она просто ушла внутрь, в самый её стержень, превратившись в холодную, неподъёмную тяжесть. Ту самую тяжесть, что он увидел в её взгляде у окна закусочной. Но теперь этот взгляд принадлежал только ей. Пора к отцу...

Тот встретил её молчаливым кивком, стоя на крыльце с наполовину выкуренной сигаретой, но отбросил её, когда Эшли шагнул на первую ступеньку и открыл дверь.

Поели в тишине. Отец взял тарелки и отнёс в раковину, включил воду.

— Была у тебя зелёная кукла — внезапно произнёс он, моя посуду и решивший возобновить этот старый спор лишь затем, что бы «переключить дочь». — С зелёными же волосами. Она у тебя часто падала в песок, потом отмыть не могли.

— Не было! — так же упрямо стояла на своём Эшли, готовь принять у него тарелки с полотенцем, чтобы их вытереть. — У меня была только одна необычная, в розовом. И волосы у неё были жёлтые.

— Зелёная, — отрезал отец. — На чердаке, гляди, валяется ещё.

Чердак. Эшли вздохнула. Она ненавидела этот чердак старого амбара. Добраться до него можно было только по шаткой наружной лестнице, а низкая дверь, заколоченная ещё дедом, будто говорила: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Раньше там хранили сено, но теперь для него было отдельное помещение. А здесь десятилетиями копился хлам — немудрёное наследство нескольких поколений фермеров.

Но упрямство отца, его уверенность засели у неё в голове занозой. Вздохнув, она взяла фонарь и отправилась на штурм.

Дверь скрипнула и подалась, осыпая её грузом пыли. Луч фонаря выхватывал из мрака причудливые очертания: сломанные стулья, свёрнутые ковры, сундуки с отвалившимися крышками.

И игрушки. Их было много.

Эшли присела на корточки перед картонной коробкой. Из неё на неё смотрело стеклянными глазами целое поколение плюшевых зайцев и кукол, растерявших свои конечности. Она взяла в руки лохматого медвежонка с одним глазом.

«Барни, — пронеслось в голове. — Его подарил дядя Джо на пятый день рождения. Интересно, он так и не выкинул эту ковбойскую шляпу?». Она прижала его к лицу, вдыхая запах

старой пыли и времени. И вдруг ясно, как будто это было вчера, вспомнила, как пряталась с ним под одеялом во время грозы, уверенная, что он защитит её от любого грома и молний.

Она копала глубже. Вот деревянная лошадка на колёсиках, которую она катала по всему дому, пока мама (она тогда была ещё жива) не прятала её со словами «уже поздно!». Вот коробка с кубиками, из которых она пыталась строить башни выше себя.

Эшли улыбалась, сидя в пыли, и постепенно тяжёлый ком обиды и усталости, что сидел в груди, начал потихоньку таять. Они хранили ощущение — безусловно безопасности, безграничной веры в то, что мир прост и полон чудес.

И тут луч фонаря выхватил её.

Не зелёную куклу. Куклу в зелёном платье, с выцветшими от солнца и времени рыжими волосами. Платье было в пятнах, одна туфелька потеряна, но это была именно она.

Эшли замерла, держа её в руках. Память с щелчком встала на место. Она видела себя маленькой, сидящей в песочнице, и эта кукла в зелёном платье — важная свидетельница всех её тайн — лежала рядом. Отец был прав. Как всегда.

Она улыбнулась. Эшли сидела среди призраков своего счастливого детства, и впервые за долгие месяцы её улыбка была не горькой, а по-настоящему светлой, беззащитной и чистой. Этот пыльный, забытый чердак вдруг перестал быть складом хлама. Он стал ковчегом, спасающим её от самой себя. И она был бесконечно благодарна отцу за этот ночной, упрямый спор.

III

Тейлор залпом допил, достал из кармана несколько монет и бросил их на стол. Пятьдесят центов — хватит с головой. Сейчас, за кофе и яичницу это даже щедро.

Не сказав ни слова, он встал и вышел.

Дверь закуской скрипнула и захлопнулась за его спиной.

Холодный воздух ударил в лицо, и Тейлор на секунду задержал дыхание, словно хотел убедиться, что всё это по-настоящему. Закусочная осталась позади — с её неонам, запахом масла и тихим голосом Ребекки. Впереди была улица, которая вела в самую сердцевину города.

Дома стояли плотными рядами, и каждый будто хранил чью-то историю. Краска на ставнях облупилась, заборы перекошились, но в этом не было ни запущенности, ни бедности — только привычная, почти уютная атмосфера спокойствия. В Нью-Йорке такого не увидишь. Там усталость рвёт человека изнутри, а здесь она оседает на стенах и тротуарах, как пыль.

Фонари гудели в холодном воздухе, и свет их ложился мягкими кругами на потрескавшийся асфальт. На углу скрипели качели — пустые, но всё ещё живые, будто кто-то только что соскочил и побежал домой. В окнах домов горели жёлтые огни — то ли лампы под абажурами, то ли телевизоры. Маленькие прямоугольники тепла в чёрном стекле улицы.

Когда-то он любил этот город. Когда-то ему казалось что он слишком тесный, слишком простой. В Нью-Йорке он научился забывать о нём, вытравил воспоминания работой, шумом, бесконечным движением. А сейчас — видит его так, будто впервые. И от этого особенно больно.

В памяти всплывают детали: как он катался на велосипеде по этим же кварталам; как отец, перед выходом, проверял кобуру — не на месте ли защёлка, и каждый раз щёлкал ею дважды, будто одному разу не доверял; как мать ставила на подоконник банку с водой, и в ней медленно оседала рыжая пыль с дороги, пока цветы стояли слишком долго. Всё это теперь — как картинки из чужого детства. Чужого, но не его.

Дом был всего в двух кварталах отсюда. Там, где на крыльце до сих пор скрипит доска, во внутреннем дворе, наверное, стоит тот же ржавый мангал, а перед домом... беседка? Идти туда сейчас он не мог.

Сначала — офис шерифа. Может там, как и в машине, его ждал сюрприз?

Но там дела, которые нужно принять, чужие тревоги и заботы, которые теперь стали его обязанностью. А уж потом можно будет встретиться лицом к лицу с пустым домом и тишиной внутри.

Тейлор шагнул дальше по улице, и каждый шаг отзывался внутри, как будто он идёт не по асфальту, а по собственной памяти, которая вдруг ожила и не собиралась отпускать.

Путь был близким.

Офис шерифа Гленвилля располагался в том, что когда-то было мотелем «Санспот». Длинное, приземистое здание из выцветшего розового шлакоблока с рядом одинаковых заколоченных дверей по фасаду. Лишь одна дверь, бывший вход в лобби, была жива. Над ней криво висела вывеска из потрескавшейся фанеры с надписью «Шериф», нарисованная белой краской. Парковка представляла собой утопанный участок гравия, где пылились две патрульные машины — белые «Форды» с одинаковой шерифской звездой на дверях и тусклыми красными маячками на крышах. «Второй — запасной», — шутил отец.

Дверь скрипнула.

Тишина офиса была пустой, подобно той, что царит на забытом чердаке.

Взгляду открывалась одна большая комната — бывшее кафе и стойка администратора, теперь служившие всем сразу. Слева, у стены, стояла скамья для ожидания — деревянная, с

потёртым тёмным лаком. Напротив неё, у другой стены — притулился массивный сейф цвета хаки, на котором валялась стопка старых газет.

Центр мира здесь — большой деревянный стол, заваленный бумажным хаосом. На нём громоздилась чёрная радиостанция «Моторола», её зелёный глазок-индикатор светился в полумраке. Рядом — телефон с пожелтевшим диском для набора, тянувший к стене спиральный чёрный провод. Между стопками бумаг и пачкой листовок, ютилась пишущая машинка, в которой намертво заклинило букву «Е». Рядом с ней — стеклянная пепельница, переполненная окурков.

За этим столом и правил своим маленьким царством Джейкоб, отец Тейлора. Его кресло с поскрипывавшей кожзамовой обивкой стояло спиной к зарешечённому окну, из которого открывался вид на пустынную сейчас улицу.

Справа от входа, в углу, на тумбочку поблёскивала алюминиевая кофеварка. Рядом висели на гвоздях две чистые кружки.

В глубине комнаты были две двери. Одна, ближняя, была открыта настежь, и в проёме было видно груды картонных коробок, старый папок и сломанных стульев. Это был архив — бывший номер мотеля, превращённый в склад. Другая дверь, дальняя, была всегда закрыта. На ней висела самодельная табличка из картона. Это была камера. А заодно — и единственное место, где был душ. Джейкоб даже вмонтировал в неё импровизированную решётку. Ключ от неё торчал в замке снаружи.

Это место не было ни уютным, ни дружелюбным. Оно было функциональным и пропитанным насквозь скукой, одиночеством и тяжёлой, мужской работой...

Один шериф на весь город.

Лишь иногда — пара добровольных помощников, которых выбирал совет. Но охотников было мало, а доверия к ним — ещё меньше. В памяти Тейлора, помощники были редкостью и надолго не задерживалось. Максимум два или три месяца. Сейчас офис пустовал.

Тейлор подошёл к столу. Столу отца. Его взгляд упал на стопку свежих листовок, ещё пахнувших типографской краской. Пару дней назад напечатали, не больше.

Он взял одну.

На ней — девочка, улыбочивая, с косичками, и рядом — собака. Под фото — слово «РОЗЫСК». Ниже описание: приметы, кличка. Понятно было сразу: ищут собаку. Но на снимке они были вместе.

И его пронзило.

Собака! Та самая, что он видел у закусочной. Та, что поднимала лапу у старого гидранта.

Тейлор схватил листовку, смял и сунул в карман, будто боялся, что кто-то увидит его озарение. И сразу же выскочил на улицу.

Город принял его бег молча. Фонари дрожали в холодном воздухе, окна домов глядели вслед квадратам и тёплого света, но никто не окликнул, никто не вышел навстречу. Только звук его шагов по асфальту — быстрый, тяжёлый — бился об пустые стены, отражался и возвращался, как эхо.

Тейлор бежал так, будто догонял не собаку, а самого себя, ускользнувшего из этого города пять лет назад. Улицы мелькали, витрины закрытых лавок, редкие автомобили, припаркованные у тротуаров, и всё это складывалось в картину чужого и всё же родного мира.

Добегаю до закусочной, он замедлил шаг. Гидрант был на месте, дворняги — нет. Вспомнилось: она свернула правее, туда, где подворотня и мусорный контейнер.

И точно — оттуда доносился знакомый звук: шуршание пакетов, глухие удары лапами, возня. Собака рылась в отбросах, вытаскивая на свет остатки чужих ужинов, надеясь найти хоть что-то.

Тейлор остановился.

Его дыхание сбивалось, сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Но в этой возне у контейнера было больше жизни, чем в его собственном доме, в участке и в самом городе вместе взятых.

Собака заметила его сразу. Приподняла морду, уши насторожились. Когда он сделал шаг ближе, она зарычала — низко, хрипло, будто предупреждая: «Моё. Не подходи!»

Тейлор замер, а потом медленно отступил на два шага.

— Ладно, понял... — выдохнул он.

Он прислонился спиной к холодной кирпичной стене закусочной и медленно сполз вниз, пока не оказался сидящим прямо на потрескавшемся асфальте. Несколько секунд слушал, как стучит сердце, как шуршит собака в мешках, как шуршит внутри собственная пустота. А потом заговорил.

— Я не знаю, с чего начать... — слова вырвались сами. — Знаешь, я столько лет бежал отсюда. Академия... Нью-Йорк... казалось, что там всё по-настоящему. Большие дела, большие люди. А тут — просто город. Маленький, смешной.

Он провёл ладонью по лицу.

— А потом... звонок. Фура. Автобан. Родители... — голос оборвался, но он не стал его поднимать. — Я при жизни-то им уделял... пять минут раз в несколько дней. А теперь этих минут нет совсем. И пустота внутри такая, что хоть кричи.

Шорох за контейнером стих. Собака замерла, уставившись на него.

— А ещё Эшли, — выдохнул Тейлор. — Я думал, что правильно — уехать. Что она будет цепью, удерживающей меня. А оказалось — сердцем. А я бросил. Даже не попрощался.

Он уронил голову на руки.

— Теперь я шериф. Смешно, да? Отец бы, наверное, улыбнулся. Хотя нет... он ведь верил, что я вернусь. Вот только я понятия не имею, как быть этим человеком. Правильным шерифом. Как отвечать за город, за чужие беды, если со своими не могу справиться. Знаешь, чем моё первое же дело закончилось..?

Тишина затянулась. Тейлор поднял глаза — собака уже не рылась в отбросах. Она медленно шла к нему. Подошла. Посмотрела настороженно, потом легла у его ног, тяжело вздохнув.

Он медленно протянул руку и коснулся шерсти. Она не отпрянула.

— Вот так... — сказал он тихо. — Ты хотя бы слушаешь.

Он гладил её между ушей, а слова продолжали идти, сами, без усилия: про сомнения, про переживания, про пустоту, которую не заполнят ни значок, и городская печать. И чем больше он говорил, тем меньше было камня на сердце.

Через какое-то время Тейлор собрался с силами. Встал, стряхнул с формы пыль и посмотрел на собаку.

— Смайли, — произнёс он. — Так тебя зовут. В листовке было.

Собака моргнула и чуть шевельнула ушами.

— Пойдём домой, — сказал он мягко и взглянул на листовку. — Далеко же ты забрался. Нам чуть больше двух часов идти до фермы.

Впервые за долгое время Тейлор почувствовал, что у него появился спутник.

Смайли шёл рядом — не впереди, не позади, а точно вровень, будто сам чувствовал: ведут его домой. В темноте улиц они выглядели странной парой: молодой шериф в чужой ещё форме и дворняга, чья шерсть блестела в лунном свете...

Когда они добрались до нужного дома, Тейлор нажал на звонок. Дверь долго не открывали. Внутри всё было тихо, и он почти уже решил постучать в окна, но заскрипели петли. Дверь приоткрылась, и в проёме показался пожилой мужчина в рубашке, будто сшитой из конфедератского флага.

Усы его, длинные и густые, раздвинулись весте с улыбкой, когда взгляд упал на Смайли. В ту же секунду собака прыгнула ему на грудь. Мужчина обнял её обоими руками, прижал к себе крепко, так, как обнимают только тех, кого боялись потерять навсегда. Смайли радостно твкнул, завилял хвостом и загавкал во всё горло.

На шум из глубины дома раздались быстрые шаги. С лестницы сбежала девочка лет восьми, та самая с листовки. Мари. Она споткнулась на последней ступеньке и едва не упала, но чудом удержалась и бросилась к Смайли.

— Смайли! Смайли вернулся!

Она обняла собаку, её голос дрожал от радости.

Мужчина поднял взгляд на Тейлора. Суровые морщина на лице, взгляд внимательный, испытующий. Но через мгновение они смягчились, узнав.

— Тейлор... ты что ли?

— Да, мистер Генри, — тихо ответил он.

— Заходи, заходи! Сейчас накормим... Будешь виски?

— Я на службе, мистер Генри.

— Да какая там служба в такую ночь... Да и радость у нас какая...

Тейлор улыбнулся, но улыбка вышла криво. Покачал головой.

— Простите. Мне правда пора.

Он развернулся. За спиной ещё долго звенел детский голос:

— Спасибо! Спасибо, шериф!

Тейлор шагал дальше по ночной улице, и радостный лай Смайли постепенно растворялся в тишине. Теперь дорога вела домой. В то место, которого он избегал столько лет.

Он поймал себя на странной мысли: всё, что он видел, складывалось в его голове в образцы. Не просто лица, не просто эмоции, а целые сцены — гротескные, точные, иногда абсурдные. Он не умел объяснять словами, что чувствует, но карандаш сам выводит на бумаге то, что не получалось сказать. Холодный прагматизм мэра. Ухмылка Бутча. Искренняя радость Мари — такая чистая, что от неё защемило в груди. Взгляд Эшли — тяжёлый, ломающий уже его мироустройство и ясность будущего...

У него был блокнот. Небольшой, в тёмной обложке, который он носил во внутреннем кармане куртки. Туда, на эти мятые, наполненные быстрыми штрихами страница, он и переносил то, что видел. Не портреты. Не лица. Он не художник, он никогда им не был. Но у него получалось — Тейлор сам не знал как — уловить главное. Изгиб брови, тень под глазом, линию рта, которая могла означать только одно. А иногда — целую картину...

Он никогда никому не показывал эти рисунки. Они были для него одного — способом не дать ускользнуть тому, что люди прячут за словами.

Забрезжил рассвет, когда Тейлор, наконец подошёл к дому.

Чуть левее от крыльца когда-то стояла беседка с деревянной скамьёй, обвитая вьюном. Качели скрипели там долгими летними вечерами. Теперь беседки не было — разобрали, сгнили доски, пропала. Но в памяти всплыло именно это место.

Эшли. Она часто поджидала его там — терпеливо, упрямо, будто боясь постучать в дверь. Сидела в тишине, пока он просыпался, собирался, пока выходил навстречу. И потом они вместе шли в школу. Всегда вместе.

«Во сколько же она вставала ради этого?» — подумал он и усмехнулся без улыбки.

В памяти всплыл один утренний эпизод — такой яркий, что будто был вчера. Тогда он решил удивить её: поставил будильник почти на ночь, не выспался, но всё-равно пробрался в беседку раньше. В руках — огромный букет полевых цветов, купленных у старушки на окраине. Он неделю копил на него, работая помощником заправщика, таская шланги и тряпки.

Он ждал её. Ждал до первых солнечных лучей. Но Эшли не приходила. Потом выяснилось: велосипед сломался и она пошла пешком. Почти час с лишним она шла по знако-

мой дороге, уверенная, что он будет ждать. И когда добралась, он действительно был там — с заспанными глазами, с комом цветов в руках, с тем самым чувством, которое в тот момент казалось вечным.

Тейлор выдохнул. Слишком тяжёлым оказался этот груз воспоминаний.

Он поднялся по крыльцу, достал ключ и... заметил: над дверной ручкой — осколки стекла, зубьями торчащие наружу. Небольшое квадратное окошко было разбито, как будто по нему ударили камнем.

Камень, рука, замок.

Кто-то влез.

Он замер. Старый ремингтон остался в машине, что стояла перед офисом. Смешно. Шериф без оружия — да ещё и у себя дома. Но смешного в этот не было ничего.

У кого хватило наглости? Уж точно не у случайного вора. В доме братья было нечего: родители никогда не жили богато. Старый диван, пара фотографий в рамках, книги — всё. Но отец хранил некоторые дела дома. Наверху, в своём кабинете. Он считал, что так будет надёжнее. Зачастую, как он говорил, дельные мысли приходили ночью, а до офиса далеко...

Если лезли, то за этим. За делами.

Тейлор осторожно приоткрыл дверь. Скрип. Он вошёл, тихо прикрыл за собой и задержал дыхание.

Всё было на месте, будто застывшее время. Кресло матери у окна с неизменной вязальной корзиной. Потёртый пушистый ковёр, лёжа на котором, они когда-то играли в шахматы с отцом. Часы на стене, стрелки которых застыли — видно, давно никто не заводил.

Он ступал мягко, как учили в полицейской академии. Половицы жалобно скрипели, но он знал, куда наступить, чтобы звук был тише. Ничего не изменилось. Поднимается вверх, по старым ступеням, сердце бьётся быстрее с каждым шагом.

И вот — кабинет. Дверь приоткрыта, из-за неё падала полоска света от настольной лампы.

Тейлор толкнул дверь шире — и застыл.

За столом отца, яростно листая папки и перерывая кипы бумаг, сидела фигура — худая, осунувшаяся, с лихорадочным блеском в глазах.

Память подсказала сама: Маялс. Сын Бранниганов. Почти сосед.

Отец рассказывал о нём: «Тянет его куда-то не туда. Слишком много суеты, слишком много разговоров». Подозрения были серьёзные: наркотики. Не то, чтобы крупный дилер — скорее, тот, кто очень хотел им стать. Слишком хотел.

Город наркотиков не знал. Это было чужое, чуждое. Но отец Тейлора, похоже, что-то почувствовал, а у таких, как Маялс, звериный нюх на опасность. Может, догадывался, что досье уже собирается и хотел его найти?

Услышав скрип, Маялс дёрнулся и резко вскинул голову. Узнавание сверкнуло в его взгляде, сменившись паническим злостью.

— Полиция! Остаться на месте! Руки вверх! — голос Тейлора прозвучал твёрже, чем он ожидал.

Маялс не стал слушать. Он рванулся с места, не на Тейлора, а к выходу, пытаясь грубо оттолкнуть его плечом, протаранить живую дверь.

Тейлор отреагировал инстинктивно. Резкий захват, бросок корпусом — и незванный гость с грохотом полетел на пол, ударившись о ножку стола. Он пытался вскочить, но Тейлор был уже на нём, заламывая руку за спину в болевом захвате. Маялс взвыл, но не от боли, а от бессильной ярости.

— Ты чего лезешь, мать твою?! — его голос сорвался на хрип. — Я же ничего не взял! Ничего!

Щёлкнули наручники. Металл звякнул о металл.

— Ты вломился в дом шерифа, — ровно сказал Тейлор, поднимая его на ноги. — Этого достаточно для задержания.

— Он сам звал меня! — вдруг выкрикнул Маялс, отчаянно пытаюсь выкрутиться. — На прошлой неделе! Говорил: «Заходи, Маялс, поговорить надо». А потом... потом его не стало. И я подумал.. Я подумал, ответ пришёл! На запрос, он что-то про него говорил. Запрос в округ».

Тейлор не стал слушать. Он повёл его вниз по скрипящим ступеням. В его словах не было смысла, была лишь паника загнанного зверя.

Задержанный первое время пытался ещё что-то говорить, но Тейлору было всё равно и оставшуюся часть пути они провели в тишине...

Часы в офисе шерифа пробили десять утра.

Маялс, запертый в клетке, стих, уткнувшись лицом в тонкий матрас. Звонок, что положен ему по закону, оказался бесполезным. Как только на другом конце провода услышали, откуда звонят, посоветовали забыть номер и повесили трубку. Теперь у Маялса не осталось даже иллюзии поддержки. Он и сам понял: влип.

Тейлор сидел за отцовским столом. Перед ним лежал чистый лист протокола, ручка, промокашка. Но он не писал.

Он рисовал.

В том самом блокноте, который открыл на чистой странице. Карандаш сам пошёл по бумаге.

Сначала получилось лицо из тьмы. Искажённое удивление, с широко раскрытыми глазами, с тенью, падающей на половину лица. Тот момент, когда Маялс поднял голову и увидел его в дверях кабинета. Испуг, узнавание, паника — всё смешалось в одну гримасу, которую Тейлор успел запечатлеть.

Он отложил блокнот, огляделся и его взгляд упал на стопку листовок о пропаже собаки. Он машинально отодвинул её — и замер.

Под ней лежал тонкий конверт с гербовой печатью округа.

Сердце ёкнуло. Он потянулся и открыл его.

Внутри — несколько листов. Официальный ответ на запрос отца. Его глаза пробежали по первым строчкам — и кровь отхлынула от лица.

«... по факту инцидента при попытке задержания группы лиц, подозреваемых в сбыте...»

«... в ходе операции применялось огнестрельное оружие...»

«... пострадали сотрудник и случайный свидетель...»

«... один из подозреваемых (опознан — Бранниган М.) скрылся с места происшествия, разыскивается для дачи показаний...»

Тейлор перечитал ещё раз, вчитываясь в казённые, уклончивые фразы. Между строк проступала иная картина: не задержание матёрого преступника, а паника. Где-то на парковке, в соседнем округе, всё пошло наперекосяк. Кто-то из его же компании, нервный, дёрнулся за стволом. Выстрелы. Крики. Кровь на асфальте. Офицер, сжатый в собственной боли. Женщина, оказавшаяся не в том месте... Выжили. Подельник Маялса, Френк, убит на месте. А сам Маялс... не бросился в бой, а сбежал. Испугался и сбежал. Теперь он не столько преступник, сколько главный свидетель, который слишком боится говорить.

Тейлор медленно поднял глаза на клетку.

— Они тебя в розыск объявили не как преступника, — тихо сказал он. Голос прозвучал глухо в ночной тишине участка. — Как свидетеля. Здесь так и написано: «для дачи показаний». Стрелял же не ты?

Фигура в номере-камере дрогнула. Маялс медленно перевернулся и сел на койке. Его лицо в тусклом свете было бледным и осунувшимся.

— А какая разница? — его шёпот был грубым и надтреснутым. — Они меня в любом случае сожрут. Я там был с Френком, когда он начал палить...

Он замолчал, его взгляд упёрся в прутья решётки на окошечке бывшего номера «Санс-пота», исполняющего сейчас роль камеры. Но не видел их. Он видел жаркий асфальт парковки на окраине города, куда они подъехали на старой, ничем не примечательной машине. Френк, его старый знакомый, нервно похлопывал по карману куртки, где лежал пакет с тем, что нужно было продать.

— Просто постоишь на шухере, — говорил Френк, его глаза блестели лихорадочным блеском. — Ну и для просто, для солидности. Пройдёт всё гладко — примем в банду, будешь при деньгах.

Маялс тогда кивнул. Ему было всё-равно, что в пакете. Ему было важно, что его наконец-то позвали. Что он кому-то нужен.

За рулём сидел Марко, молчаливый кубинец. Он почти не говорил по-английски, но его глаза, тёмные и быстрые, как у хищной птицы, казалось, видели всё насквозь. Ты ещё не успел подумать, о засаде, только выйдя из машины вместе с Френком, а он уже нервно дёрнул головой и потянулся к ключу зажигания.

И тогда всё завертелось.

Из фургона с радужными граффити, стоявшего рядом, посыпались люди в форме. Не местные шерифы — ребята из округа, серьёзные, с автоматами.

Марко, не теряя ни секунды, вдавил газ в пол. Колёса взвыли. Но полиция была готова. На асфальте блеснули «ежи». Громкий хлопок, визг резины, и машину резко бросило в сторону. Она на полном ходу протаранила какую-то жалкую «малолитражку» и врезалась в стену дома с оглушительным грохотом.

«Макро вряд ли жилец», — промелькнуло в голове у Маялса холодной, чужой мыслью.

Френк с диким воплем, стрелял наотмашь из какого-то старого пистолета. Выстрелы грохотали, эхом отдаваясь от стен. Один из копов, бегущих к ним, будто бы споткнувшись, рухнул на асфальт. Пуля прошла куда-то выше бронежилета. Другая, отрикошетив от бетонного столба, с визгом ушла в сторону.

И тут он увидел её. Пожилую женщину. Она вышла откуда-то из-за угла с клетчатой сумкой. И замерла в ужасе, глядя на этот ад. Отскочившая пуля ударила её в плечо, сбив с ног. Сумка выпала из её рук, и на асфальт покатались яблоко, пара картофелин и банка с консервами.

«Откуда она тут?!» — пронеслось в голове у Маялса с кричащей, бессмысленной яростью.

Его самого пока никто не трогал. Всё внимание было приковано к стреляющему Френку и разбитой машине. И инстинкт выживания, древний и слепой, сжёг все остальные мысли. Он рванул с места, не к Френку, а в противоположную сторону, к тёмной подворотне, из которой, казалось, и вышла женщина.

Засада там, конечно, была, но её внимание было приковано к перестрелке и раненой женщине — один из копов подлетел к ней и пытался оказать первую помощь... Кто-то крикнул в спину Маялсу: «Стоять!», но не стрелял. Он был мелкой сошкой. Угрозу представлял Френк.

Маялс нырнул в темноту, бежал, спотыкаясь о мусорные баки, не оглядываясь. Со спины донеслись ещё несколько выстрелов, слившихся в одну оглушительную канонаду. Потом — резкая, звенящая тишины. И он понял. Френка больше нет.

Он бежал, чувствуя во рту вкус крови и адреналина, а перед глазами у него стояло лицо той женщины и её рассыпавшиеся по грязному асфальту продукты...

Их взгляды встретились через прутья окошка с решёткой — взгляд шерифа и взгляд пленного, в которых была одна и та же неподъёмная тяжесть.

— Эй, шериф, — голос Маялса хриплый, спокойный, без прежней злобы. — А в Нью-Йорке... копам там тоже приходится самим чай из пакетиков заваривать? Или у них есть специальные люди для такого?

Тейлор не оборачивается, смотрит на потёртый стол:

— Специальные люди.

— Я так и думал. А то тут... пафосно как-то. Значок новый, форма... а чайник тот же самый. И завариваешь сам. Прямо как твой отец. Без специальных людей.

Тейлор медленно поворачивается. Маялс сидит на краешке койки, обхватив голову руками, и смотрит куда-то в пол между прутьев.

— Он о тебе говорил, Бранниган-младший. Говорил, что ты... не туда потянулся.

Маялс коротко и жёстко смеётся:

— А куда мне было тянуться, Тейлор? А? На заправку, как мой старик? Или к тебе в Нью-Йорк, делать «большие дела»? Ты же всех нас тут нахер послал, помнишь? Считал, что мы мелюзга. Что этот город — задница мира.

— Я не так...

Маялс его перебивает, поднимает голову. В его глазах не злора, а горечь:

— Не врать. Мы все видели. Ты на нас в последний год вообще не смотрел. Ты уже мыслями был там. Мы для тебя были как... мебель. Старая, знакомая, но нафиг не нужная.

Тейлор не находит, что ответить. Это правда.

— Мой отец... после того, как мать свалила, он не поднялся. Ты же помнишь. Он просто начал медленно дохнуть у всех на глазах. И твой отец... твой идеальный шериф... что он сделал? Вёл с ним «профилактические беседы». Раз в месяц. Как по расписанию. А в остальное время — просто делал вид, что проблемы нет. Как и все в этом городишке. Все делают вид, что всё нормально. Пока не припечёт по-настоящему.

— Он пытался...

— Ни хрена он не пытался! Он ставил галочки! Как и ты сейчас. Поймал — отчитался — молодец. А завтра меня отпустят, и всё начнётся по новой. Потому что это не проблема, Тейлор. Это система. Этот город так работает. Он одних душит тихо, по ночам, а другим дарит на выпускной билет в один конец. И все делают вид, что так и надо. — Маялс замолкает, снова уставясь в пол. Его плечи немного подрагивают.

— А что бы ты хотел? — произносит Тейлор очень тихо. — Чтобы он посадил твоего отца? Или тебя самого раньше времени?

Маялс смотрит на него, и в его взгляде вдруг проступает что-то похожее на понимание:

— Я хотел... чтобы кто-нибудь просто увидел. Не проблему. Не «случай Бранниганов». А меня. Вот так вот, сидящего в этом дерьме по уши. И спросил: «Эй, Маялс, какого хрена? Может, хватит?» Но никто не спрашивал. Твой отец видел нарушителя. Ты... ты вообще перестал видеть. А я... я просто искал способ продышаться. И нашёл самый дерьмовый.

Длинная пауза. Тейлор отводит взгляд. Слова Маялса бьют прямо в цель, в его собственную вину, в его бегство.

— Я не знал...

Маялс устало выдыхает:

— Да никто не знал. Никто и не хотел знать. В этом вся и фишка.

Он ложится на койку спиной к Тейлору, разговор окончен. Тейлор потянулся к блокноту...

Следующий рисунок был другим. Спокойным. Почти грустным. Маялс за решёткой — не преступник, с доведёнными до гротеска чертами лица, а просто человек, который сидит на краю койки, обхватив голову руками, и смотрит в пол. Линии стали мягче, тени — глубже. Тейлор не знал, зачем это делает. Может, чтобы понять. Может, чтобы запомнить. А может, просто потому, что руки просили карандаш, а бумага — тишины.

IV

Спать не хотелось. Совсем.

Эшли повернулась на спину и уставилась в потолок, где тени от занавески рисовали причудливые узоры. Луна светила так ярко, что хоть книжку читай. Только читать не хотелось. И лежать не хотелось. И ничего не хотелось — кроме одного: чтобы этот день наконец кончился, а следующий не начинался.

Она закрыла глаза — и увидела его.

Тейлор. Сидит за стойкой у Ребекки... Их глаза встретились и она ушла, даже не обернулась. Гордость — дурацкая штука. Ломает жизни быстрее любой войны.

Эшли села на кровати, обхватила колени руками.

Беседка.

Мысль пришла ниоткуда и ударила под дых. Та, старая, которая давно уже рухнула. Сколько же она там просидела, пока он спал? Каждое утро, целое лето. Вставала затемно, тайком от отца и... матери... тогда ещё, когда она была жива. Выгоняла старый велосипед и гнала к этой беседке до того, как он выйдет на крыльцо. Сидела на качелях, слушала, как скрипят несмазанные петли, и смотрела на его окно. Когда там показывался силуэт, дышать становилось трудно.

А он даже не знал. Или знал?

Потом — обеды у речки. Она брала с собой свёрток с домашним хлебом, он приносил сыр и лимонад из закуской (стащить у Ребекки считалось особым шиком). Они сидели на старом одеяле, болтали ногами в воде и говорили. Говорили обо всём. О том, как пахнет земля после дождя. О том, что будет, когда они вырастут. О том, что Нью-Йорк — это далеко, но, может быть, они туда когда-нибудь съедят. Просто посмотреть.

Вместе.

Эшли закусила губу и уставилась в окно. За ним — ни огонька. Только поле, только небо, луна, ветер. И тишина.

Эшли смотрела в темноту, уже проваливаясь в сон, когда краем глаза заметила движение. Там, на дороге, что вела к старому кладбищу, медленно, почти бесшумно, двигался чёрный силуэт. Катафалк.

Она замерла, вглядываясь. Машина плыла в лунном свете, как призрак, не зажигая фар, не торопясь. Просто плыла — и через минуту скрывалась за поворотом.

Эшли моргнула. Мысль, вялая, сонная, попыталась оформиться: «Кого это повезли в такое время?..». Но на смену ей, почти мгновенно, пришла другая: «Ведь ночь — это время Джен».

Как они вообще стали подругами? Джен была всем тем, чем Эшли не являлась: громкой, бесшабашной, вечно влюблённой в кого-то неподходящего. Она носила короткие юбки, красила глаза так ярко, что миссис Парсон на воскресной службе крестилась, и умудрялась флиртовать с парнями так, что те теряли дар речи. Эшли молчала, смотрела и запоминала.

Их дружба вообще была случайностью — в школе посадили рядом, потому что по алфавиту. Джен тогда сказала что-то смешное про учителя, Эшли не удержалась и фыркнула. И с тех пор Джен решила, что они подруги. Не спрашивая разрешения. Просто взяла и вписала Эшли в свою жизнь, как лишнюю строчку в ежедневник.

И, думала Эшли, что странно? Она была ей за это благодарна. С Джен никогда не было скучно. Это правда. Она умела смешить, умела утешать, умела заткнуть рот любому, кто посмеет обидеть «свою Эшли». Даже если «своя Эшли» этого не просила.

Интересно, что бы она сейчас сказала?

Эшли представила лицо Джен, её насмешливую улыбку. Джен бы, конечно, скривилась: «Опять ты киснешь? Да забей ты на него, Эш. Мужиков до хрена. Вон Гектор на тебя смотрит, как кот на сметану. А он, между прочим, сын хозяина заправки. Или Томми Гаррет. У него трактор. Это тебе не Нью-Йорк с его высотками».

Эшли фыркнула в подушку. Джен и трактор — это было сочетание, от которого хотелось смеяться и плакать одновременно.

Или бы сказала: «Эшли, ты дура. Ты его эти пять лет ждала? Да я бы за пять лет десять раз замуж вышла и десять раз развелась. Жизнь одна, понимаешь? И ты не молодеешь, но сидишь тут, как сыч, и вспоминаешь, как тебе было хорошо сто лет назад».

И тут же конечно, добавила бы, со своим фирменным прищуром: «Подруга, ты вообще помнишь, что ты женщина? Нет, я серьёзно. У тебя там, наверное, уже паутина в одном месте. Смахни её, прикоснись к тому, что тебя женщиной делает — и хорошенько подвигай рукой. В смысле — по жизни. А не то, что ты подумала. Хотя и это тоже не помешало бы».

Эшли закатила глаза. Вот ведь...

Но тут же поймала себя на мысли, что Джен не совсем неправа. Пять лет — это много. И она не сидела затворницей, если честно. Была пара попыток. Сначала — Марк, сын Олсенов. Добрый, работающий, с ручищами как лопаты. Он приходил, помогал отцу с сеном, смотрел на неё преданными глазами. Она даже думала: а почему нет? Но когда он в первый раз поцеловал её — в губы, неуклюже, пахнуло от него сеном и потом, и... ничего. Пустота. Ни искры, ни дрожи. Только мысль: «Не то. Совсем не то».

Она дала ему шанс.

И ещё один. Не то.

А через год — приезжий, коммивояжёр. Красивый, гладкий, из города. Звали его Пол. Он говорил красиво, угощал вином, обещал показать мир. Джен тогда сказала: «Вот твой шанс, Эш! Хватай и беги, пока не передумал!» Но Пол... он смотрел на неё, как на интересный экспонат. Фермерша, которая пишет стихи. Экзотика. А когда понял, что она не поедет с ним в его Олбани (потому что отец, потому что ферма, потому что коров не бросишь), — сдулся моментально. Даже не попытался понять.

И чёрт с ним, — подумала Эшли. И сейчас подумала тоже.

Так что не в Тейлоре дело, — сказала она самой себе, но честно ли?

Она вздохнула и перевернулась на другой бок. Луна всё так же светила в окно.

Ладно. Может, и в нём тоже. Джен пока не знает о его возвращении и чем позже она узнает, тем лучше.

На этой мысли она и уснула. Наконец.

Джек возился с трактором. С раннего утра. Колесо оказалось не единственной его проблемой. А взгляд Эшли, вышедшей на крыльцо с кружкой горячего ароматного чая, упал на восток. Туда, где за полями была ферма Олсенов.

Небо там, над линией леса, было не чистым голубым, а грязно-желтоватым. И дым был не тонкой белой струйкой из трубы, а густым, тяжёлым, чёрно-серым столбом, который медленно, но верно полз вверх, расплываясь клубами.

Сердце ёкнуло, замерло, а потом забилось с новой, адской силой. Не страх. Нет. Холодная, мгновенная мобилизация всего тела.

— Отец! — её голос прозвучал с незнакомой резкостью. — Олсены горят!

Дверь сарая распахнулась, и на пороге возник её отец. Он одним взглядом оценил ситуацию, его лицо, обычно неподвижное, сейчас исказилось. Он ничего не сказал. Просто кивнул, побежал к старому пикапу, который тоже, как и трактор, вечно чинил, но который сейчас должен был, в отличие от трактора, завестись. Обязан.

Эшли не ждала. Она быстро слезла и, оказавшись на земле, сорвалась с места, не к машине, а к большому металлическому баку с водой у сарая. Она стала с силой откручивать

тяжёлый краник, хватая валяющиеся рядом ведра — ржавое, с дырявым дном, нормальное, целое пластиковое..

Рёв мотора пикапа взорвал тишину. Отец подрулил к ней, выпрыгнул, схватил ещё два ведра. Никаких слов. Никакой паники. Только отлаженные, чёткие движения людей, которые знают: здесь, вдали от города, пожарная команда приедет слишком поздно. Ты либо справишься сам, вместе с соседями, либо теряешь всё.

Они помчались по ухабистой полевой дороге. Пикап подпрыгивал на кочках, вода из вёдер хлестала через край, заливая сиденье. Эшли вцепилась в ручку двери, её глаза не отрывались от растущего на горизонте чёрного гриба. Он стал больше. Гораздо больше.

У Олсенов уже был ад. Горел не дом, нет. Горел большой сарай, где хранилось сено. Пламя уже перекинулось на соседнюю постройку — мастерскую. Воздух гудел, как живой, от жара слезились глаза. Старик Олсен, двое его взрослых сыновей и несколько соседей метались между колодцем и огнём, образуя живую цепь, передавая ведра. Все кричали, но слова тонули в рёве пламени.

Эшли выпрыгнула из машины ещё до полной остановки. Она схватила ведро и бросилась в самое пекло — не к главному огню, это было бы самоубийством, а к мастерской, на крышу которой уже падали искры и начали тлеть сухие доски.

— Крыша! — закричала она Олсенам, показывая рукой. — Крышу надо лить, пока не занялось!

Один из сыновей кивнул, его лицо было чёрным от сажи, в глазах — животный ужас. Они с Эшли встали по разные стороны тлеющей кровли, забрасывая на неё воду. Вода шипела, превращаясь в пар, но тление не прекращалось.

И тут ветер, коварный и внезапный, рванул с новой силой. Горящий клочок сена, размером с одеяло, подхватило вихрем и понесло прямо через двор — к старому деревянному курятнику.

— Куры! — завопила миссис Олсен. — Боже, куры!

Эшли уже не слышала. Она метнулась к бочке с водой, окунула ведро, перехватила поудобнее и снова пошла в огонь. Не побежала — пошла. Потому что бег отнимает силы, а силы нужны были здесь, у этой проклятой крыши, которая никак не желала сдаваться.

Кто-то сунулся было за ней — и отступил. Жар стоял такой, что дышать можно было только сквозь мокрую тряпку, прижатую к лицу. Она просто щурилась и лила воду туда, где огонь лизал уже самые края кровли.

Она не слышала, как сзади, у колодца, Олсены и соседи сбились в живую цепь, передавая ведра. Не слышала, как надывается миссис Олсен, вытаскивая из горящего сарая какое-то тряпье. Не слышала даже собственного кашля — лёгкие уже забились дымом так, что каждый вдох резал ножом.

Она просто лила воду. Ведро за ведром.

Марк Олсен увидел её, когда она в очередной раз развернулась к бочке.

Она шла, спотыкаясь, почерневшая от сажи, с волосами, которые на концах уже начинали тлеть. Глаза — красные, бешеные, совершенно не женские. Марк на секунду замер с ведром в руках, глядя на неё.

Он знал эту девушку. Знал давно. У них не сложилось, а год назад, он даже думал попробовать ещё раз. Приходил к ним на ферму помочь с сеном, смотрел, как она ловко управляет с вилами, как поправляет выбившуюся прядь волос мокрой от пота рукой и... пригласил на танцы в город.

Она тогда отказала. Мягко. Сказала: «Марк, ты хороший. Правда. Но не надо». Он обиделся, конечно. На неделю. Потом понял: она не со зла. Просто не его. И как на такое обижаться? На то, что сердцу не приказывают?

С тех пор они виделись редко, но всегда тепло. Она ему улыбалась — не той улыбкой, от которой у мужчин подкашиваются ноги, а своей, тихой, настоящей. И Марк вдруг сообразил, что это, наверное, дороже любой кокетливой улыбки.

— Эшли! — крикнул он, перекрывая треск огня. — Эшли, отойди! Сейчас крыша рухнет!

Она даже не обернулась. Просто махнула рукой — мол, отстань, некогда — и снова шагнула в дым.

Марк рванул за ней. Схватил за плечо, развернул к себе. И увидел её глаза вблизи. В них не было страха. Была ярость. Глухая, злая, почти животная. Такая, с какой бабы в войну, говорят, таскали раненых с поля боя.

— Не смей! — выдохнула она ему в лицо. — Там ещё горит!

— Ты сгоришь! — заорал он в ответ.

— А ты здесь зачем стоишь?! — Она вырвала плечо и ткнула пальцем в сторону крыши, где огонь уже плясал на самом коньке. — Лей давай! Не стой!

И она снова исчезла в дыму.

Марк выругался сквозь зубы. Выругался длинно, витиевато, как умел только он. И рванул за ней следом, потому что оставить её там одну было нельзя. Никак нельзя.

Они встали плечом к плечу. Он — здоровенный, медвежеватый, с ручищами, которыми можно было бы запросто задушить этого огненного змея голыми руками. Она — маленькая, худая, но каким-то чудом державшаяся на ногах, когда он сам уже валился от усталости.

— Справа! — крикнула она.

Он плеснул водой туда, куда она показала.

— Теперь слева!

Он плеснул.

— Выше! Выше, мать твою!

Он плеснул выше, и вода, шипя, стекла по горящим доскам.

И так они стояли — пока хватало сил. Пока не примчалась пожарная команда из города. Пока кто-то не оттащил Марка в сторону, потому что у него уже тлела часть рубашки на спине, а он не замечал. Пока Эшли, сделав последний шаг, не осела на землю прямо у крыльца, глядя перед собой остановившимися глазами...

Она сидела, уронив голову между колен, и смотрела, как дым поднимается в небо чёрным, живым столбом. В ушах гудело. В груди жгло.

Кто-то сел рядом. Тяжело, со стоном, всей тушей рухнул на землю.

Эшли повернула голову.

Отец.

Он сидел, уперев локти в колени, и смотрел туда же, куда и она — на дым, на развалины, на чёрную выжженную землю. Лицо у него было такое, будто он сам только что из огня вылез: сажа размазана по лбу, бровь опалена, рубака на груди мокрая насквозь и в нескольких местах прожжена до дыр.

— Жива? — спросил он, не глядя на неё.

Голос у него сел окончательно. Вместо обычного ворчливого баса вышло сиплое, простуженное «карканье».

— Жива, — ответила Эшли.

Он кивнул. Больше ничего не сказал.

Они сидели молча. Рядом суетились люди, таскали вёдра, орали друг на друга, но здесь, у крыльца, было почему-то тихо. Будто невидимый круг очертил их двоих, и шум сюда не долетал.

Минута прошла. Или час. Эшли потеряла счёт времени.

Потом рядом возникла ещё одна тень.

Старик Олсен опустился на корточки перед ними. Точнее, попытался опуститься — ноги не слушались, и он просто осел рядом с Джеком, привалившись плечом к его плечу. Дышал тяжело, со свистом, и рубаха на нём тоже дымилась кое-где.

Некоторое время все трое молчали. Смотрели, как пожарные (городские, опоздавшие, как всегда) бестолково мечутся с рукавами, хотя тушить уже почти нечего.

Потом старик Олсен медленно, с усилием поднял руку и положил её Джеку на плечо. Сжал. Коротко, по-мужски. Джек даже не повернулся — только чуть заметно кивнул в ответ.

Рука старика переместилась. Легла Эшли на макушку, тяжёлая, горячая, пахнувшая дымом и потом. Погладила по спутанным, обгоревшим на концах волосам.

— Спасибо, дочка, — сказал он тихо.

Эшли подняла голову и посмотрела ему в глаза. Старик Олсен не плакал — он вообще никогда не плакал, сколько она его помнила. Но глаза у него были такие, что у неё самой защипало.

— Не за что, — ответила она хрипло. — Дом же ваш... устоял.

Он кивнул.

— Устоял. — И вдруг улыбнулся, криво, одной щекой. — Ты бы видела себя со стороны. Чёрт-те что.

— А вы? — Эшли усмехнулась в ответ. — Вы на пугало огородное похожи.

Старик Олсен коротко хохотнул — и тут же закашлялся, схватившись за грудь.

— Ладно, — сказал он, откашлявшись. — Живы будем — не помрём.

Джек молча кивнул, соглашаясь. Потом, кряхтя, начал подниматься. Колени хрустнули, спина не разгибалась, но он встал. Протянул Эшли руку.

Ладонь у него была широкая, мозолистая, тёплая. Эшли уцепилась за неё, как за единственную опору в этом выжженном мире. Он дёрнул — легко, будто она ничего не весила, — и поставил её на ноги.

Она пошатнулась, чуть не упала. Отец придержал её за локоть.

— Идти можешь?

— Могу.

— Тогда пошли.

Они побрели к пикапу, оставляя за собой следы на мокрой, чавкающей земле. Эшли оглянулась на прощание. Старик Олсен так и сидел на корточках, глядя им вслед. Кивнул — медленно, уважительно.

Она кивнула в ответ.

Дом Олсенов стоял. Чёрный от копоти, но стоял. А значит, можно было жить дальше.

Ей тогда так казалось.

V

Тейлора, уснувшего прямо за столом, разбудил рёв двигателя и сирены промчавшейся где-то рядом пожарной машины. Как и Маялса.

С красными от недосыпа глазами, Тейлор молча встал, сварил на старой плитке крепчайший кофе. Разлил в две жестяные кружки, одну из которых тщательно помыл, а другую — просто снял с крючка. Подошёл к окошку номера с решёткой и просунул одну между прутьев. Маялс медленно приподнялся, взял кружку, кивнул. Ни слова. Звук их плотков был оглушительно громок в утренней тишине.

Потом Тейлор набрал номер из окружного конверта. Трубку взял сонный голос.

— Шериф Тейлор, из Гленвилля. У меня тут задержанный по вашему делу. Маялс Бранниган.

— Кто? — голос на том конце лениво переспросил. Послышался шелест бумаг. — А, этот... Свидетель по тому стрельбищу на парковке. Ну и?

— Я хочу понять, какие распоряжения. Куда его девать?

— Распоряжения? — Дежурный флегматично хмыкнул. — Шериф, это дело, если честно, уже пахнет нафталином. Прокурор его в долгий ящик упрятал. Тот коп выжил, свидетельница выжила и отказалась давать показания. Одни хлопоты. Если он у вас по каком-то своему делу повязан — разбирайтесь сам. Нам он тут не очень то и нужен. Если только вы его самого не хотите к нам привезти...

Тейлор медленно положил трубку.

— Все выжили, — спокойно сказал он Маялсу, нервно сжимающему прутья окошка руками.

Маялс облегчённо вздохнул. Он думал, что нет... Думал, что женщине не повезёт...

Взгляд шерифа упал на пустые столики в углу участка — для помощников, которых не было. На них густым бархатным слоем лежала пыль, прочерченная единственной свежей полосой — он сам вчера сдвинул стопку бумаг.

Он взял первую папку из «текучки». «Эрик Бёрнс. Жалоба на соседа, повреждение газона».

— Этого знаешь? — Тейлор безразличным тоном показал папку в сторону клетки.

Маялс прищурился.

— Бёрнаса-младшего? Ещё бы. Зазнавшийся жлоб. Сын владельца «Бернс-Дженерал-Стор» — единственного нормального магазина в радиусе двадцати миль. Единственное его достоинство в том, что он пока не прожрал и не похерил бизнес своего бати. Приумножить — мозгов, ясное дело, не хватит. Но держится за свою унылую империю канцелярских кнопок и банок с тушёнкой, как краб за добычу. Сосед ему газон портит? Ну конечно. Это же самое страшное, что может случиться в его идеальном маленьком мире.

В его голосе звучала язвительная насмешка, но за ней сквозило нечто другое — глубочайшее, физиологическое понимание всех этих людей, их мелких страхов и амбиций. Он знал город изнутри, из его самых грязных подворотен и самых напыщенных гостиных.

И в этот момент идея ударила Тейлора с такой силой, что он едва не выронил папку. Взгляд был прикован к пыльному столу помощников. Идея была безумной, абсурдной, против всех правил. И оттого — единственно верной.

Маялс уловил этот взгляд.

— А ты... — Тейлор медленно поднял на него глаза. — Ты ведь не употреблял. Так? Только приторговывал.

Маялс нахмурился, пойманный врасплох прямокой вопроса.

— Травку? Пробовал. Не моё. Дела делал. Френк... тот, которого грохнули... это он договорился о той партии. Я был просто там... — Он смолк, снова уставившись в пол. Признание давалось ему тяжело.

Тейлор подошёл к двери в бывший номер и взялся за холодные прутья окошка.

— Городской совет никогда не утвердит меня в помощники, — тут же съязвил Маялс, угадав его мысль. — Они скорее мёртвого дрозда на это место назначат.

— Совету это знать не обязательно, — тихо, но чётко сказал Тейлор. — У шерифа есть право нанимать резервистов. На общественных началах, без зарплаты, на испытательный срок. Для «поддержания порядка и выполнения поручений». Формально — ты будешь числиться каким-нибудь уборщиком при участке. Фактически... — Тейлор сделал паузу, впиваясь в Маялса взглядом. — Фактически ты будешь моими глазами и ушами. Ты будешь делать то, что никто другой не сможет. Ты знаешь этот город и его людей с той стороны, с которой я уже отвык.

Маялс смотрел на него, не мигая. Сначала с недоверием, потом с проступающим сквозь маску цинизма интересом. Маялс кивнул один раз. Утвердительно.

— С этого момента, — голос Тейлора зазвучал жёстко, как сталь, — у тебя исчезает право ныть и говорить, что судьба не дала тебе ни единого шанса вырваться из этого дерьма. Шанс — вот он. Я тебе его даю. Не из доброты. Мне нужен человек, который знает, где и что тут на самом деле творится. Готовься. Сегодня же поедем к доктору Риджуэю на осмотр. И если он найдёт хоть намёк на дурь — ты отправишься обратно в эту клетку, и на этот раз я сам лично отвезу тебя в округ. Понял?

Он не ждал ответа, просто отомкнул замок. Развернулся и пошёл к своему столу, оставляя Маялса наедине с самым невероятным предложением в его жизни.

В клетке повисло молчание, нарушаемое только гулом холодильника. Потом раздался короткий, сдавленный звук. То ли смешок, то ли сдавленный вздох. То ли и то, и другое сразу. После — дверь клетки распахнулась.

Маялс вышел медленно, будто пробовал ногами пол после долгой болезни. Остановился посреди офиса шерифа, огляделся — и вдруг усмехнулся. Коротко, безрадостно, но по-новому.

— Ну и что теперь? Прямо сейчас побежим правду искать?

— Сейчас поедем к Риджуэю, — Тейлор уже натягивал куртку. — Если доктор скажет, что ты хоть раз в жизни пробовал что-то тяжелее травки — вернёшься обратно. И я лично позвоню в округ.

Маялс хмыкнул, но спорить не стал.

Улица встретила их холодным утренним воздухом. Маялс вдохнул глубоко, почти жадно, как человек, который не был на свободе... да сколько? Всего одну ночь? А казалось — вечность.

В машине молчали. Тейлор крутил баранку, поглядывая на пустые улицы. Маялс смотрел в окно на просыпающийся город, и теперь его взгляд был другим — не пленного, а скорее оценщика.

У дома доктора Риджуэя, с его аккуратным палисадником и вывеской «Приём с 8 до 12», они остановились. Тейлор заглушил мотор.

— Зайдешь первым. Я следом.

— Боишься, сбегу?

— Боюсь, наговоришь ему такого, что он тебя сам в клетку запрёт.

Маялс фыркнул, но дверцу открыл без слов.

Доктор Риджуэй, человек старой закалки, осмотрел Маялса с пристрастием.

— Руки вытяни. Дрожат? А ну, сядь. Голову прямо. Смотри на мой палец.

Он поводил пальцем перед глазами Маялса, осветил фонариком в зрачки. Маялс морщился, но терпел.

— Повернись. Закатай рукава.

Маялс медленно закатал рукава до локтей. Риджуэй взял его запястья, повернул к свету, внимательно осмотрел сгибы локтей. Провёл пальцем по венам. Маялс дёрнулся.

— Щекотно? — буркнул доктор, не поднимая глаз.

— Холодно.

Риджуэй хмыкнул. Отпустил руки, постучал по коленке молоточком, заставил пройти по прямой, коснуться пальцем носа с закрытыми глазами. Потом долго слушал сердце и лёгкие, прижимая холодный стетоскоп к спине.

В кабинете пахло йодом и табаком. На стене висел пожелтевший плакат о туберкулёзе, а в углу, на высокой стойке, поблёскивал стеклянный сосуд для дезинфекции инструментов.

— Ну, — произнёс он наконец, снимая стетоскоп. — Печень, ясное дело, не первой свежести. Нервы ни к чёрту. Но следов систематического употребления наркотических средств я не вижу. — Он помедлил. — Вены чистые. Если кололся — то недолго и давно, или вообще не в руку, но в твоём возрасте в ногу не колются, если только не война. А ты на войне не был.

Маялс помолчал, глядя в сторону.

— Не наркоман, — резюмировал Риджуэй. — Пропойца — да, дурак — да. Но не наркоман.

Он посмотрел на Тейлора поверх очков, и в его взгляде читался немой вопрос, на который шериф не стал отвечать.

Доктор перевёл взгляд на Маялса.

— А ведь я тебя помню, Бранниган. Ты ещё мальчишкой сюда приходил. Синяки, ссадины... — Он перевёл взгляд на Тейлора. — Я твоему отцу про него докладывал. Не раз.

Маялс дёрнул щекой, но промолчал.

Тейлор поблагодарил доктора и направился к выходу. Маялс следом.

Когда они уже достигли двери, Риджуэй, глядя в окно, добавил:

— Знаешь, Тейлор, твой отец говорил: «Иногда легче поймать преступника, чем вытащить человека». Я тогда не понял. А теперь, глядя на вас двоих... может и понял.

Обратно ехали молча.

Машина подпрыгнула на колдобине и затихла на перекрёстке. Доктор Риджуэй остался позади вместе с его вердиктом «не наркоман», висевшим в воздухе тяжёлым и не до конца осознанным облегчением.

Тейлор уже собрался было тронуться с места, но его нога замерла над педалью газа.

Воздух снаружи изменился. Он стал густым, вибрирующим, наполненным низким гулом приглушённых шагов и прерывистым, захлёбывающимся шёпотом, больше похожим на всхлипы. Это был звук, который не слышишь ушами, — его чувствуешь кожей, вбитый в землю каблуками и приглушённый грузом горя.

Тейлор заглушил двигатель.

По главной улице города, медленно, словно против воли, двигалась похоронная процессия.

Впереди шёл солдат. Молодой, до боли юный, в парадной форме, выглаженной до хруста. На его груди поблёскивали медали — яркие, недавно приколотые пятна на идеально зелёном фоне. Но лицо было неживым, застывшей маской, под которой бушевала пустота. В его руках, словно икона, которую несли перед собой, была большая фотография в рамке. На ней — его собственное лицо, улыбающееся, ещё не познавшее этой тяжести. Брат-близнец. Один вернулся героем, чтобы хоронить другого.

За ним шёл город. Не сорок человек — вся плоть и кровь этого места. Мужчины, сгорбившиеся под невидимым грузом, их взгляды уткнулись в потрескавшийся асфальт. Женщины в чёрных платках, из-под которых текли беззвучные слёзы, впитываясь в шерсть одежды. Подростки, смущённые и подавленные чужой, но такой близкой скорбью.

Шестеро крепких, привыкших к физической работе мужчин несли на плечах гроб. Звёздно-полосатый флаг, накрывший его, трепетал на ветру. Каждый порыв заставлял ткань вздыматься и падать, и этот звук был похож на прерывистое, тяжёлое дыхание самого гроба.

Тейлор застыл у окна. Его сердце не заколотилось — оно, словно пустая гильза, глухо и одиноко ударило о рёбра. Это была не чужая боль. Это было зеркало, в котором он увидел своё собственное отражение — тот же флаг, те же опущенные головы, та же пустота внутри, которую не заполнить медалями и словами соболезнования. Он хоронил родителей, но хоронил и часть себя — ту, что могла бы остаться здесь, не сбежать.

Рядом, на пассажирском сиденье, Маялс не шевелился. Даже он, с его вечной саркастической маской, с взглядом, выдавшим всякое, замер. Его цинизм, его броня из злобы и обиды треснули в тишине этого шествия. Он смотрел, не мигая, на солдата с фотографией, и в его глазах читалось нечто большее, чем жалость — узнавание. Узнавание той самой безысходной ямы, из которой он сам пытался выбраться самым дерьмовым способом.

Солдат поднял голову. Его взгляд, стеклянный и отсутствующий, скользнул по их машине, по силуэтам внутри, и на миг встретился с взглядом Тейлора.

В этом взгляде не было ничего. Ни ненависти к тем, кто остался в стороне. Ни вопроса «почему он, а не я?». Только всепоглощающая, неподъёмная тяжесть. Тяжесть человека, которому идти дальше одному, сжимая в руках рамку с улыбающимся призраком вместо живого брата.

Процессия медленно проплыла мимо. Каждый шаг отдавался в груди Тейлора глухим, давящим ударом. Он сидел, вжавшись в сиденье, и смотрел, как чёрная река скорби течёт по главной улице его города.

И он вдруг с пронзительной ясностью понял то, что всегда знал, но не осознавал: этот город умел хоронить. Он делал это с молчаливым, стоическим единством, собираясь воедино перед лицом общей потери. Но он абсолютно не умел одного — отпускать. Горесть оседала в нём, как пыль на стёклах, как трещины в асфальте, впитываясь в самые стены домов и в души тех, кто в них остался. Оно оставалось здесь навсегда, становясь частью тишины, частью того самого взгляда, который теперь был и у него...

Наконец, они снова в офисе.

Тейлор достал из сейфа бланк и заполнил его скупым, казённым почерком: «Специальный резервист при шерифском управлении Гленвилля. На испытательный срок. Обязанности: поддержание порядка, выполнение поручений шерифа».

Подписал и сунул листок Маялсу.

— Это твой пропуск. Если, конечно, не сбежишь в первый же день.

— Куда я сбегу? — буркнул Маялс, но бумагу взял аккуратно, будто она была из чистого золота.

Тейлор вернулся к стопке папок. Верхняя была про Бёрнса и его газон.

— Итак, твоё первое задание, резервист. Выясни, что это за новый сосед у Бёрнса. Переехал погода назад, живёт тихо. Знаешь его? (Маялс отрицательно покачал головой). Бёрнс, я так понимаю, сам спровоцировать мог, но надо проверить. Действуй как знаешь. Но без грубости. Понятно?

Маялс кивнул, и в его глазах мелькнул знакомый огонёк — азарт охотника, которому наконец-то показали след.

Тейлор взял следующую папку. На обложке кривым отцовским почерком было выведено: «Парсон. Гном».

Он открыл её. Внутри лежало единственное заявление, датированное двумя неделями назад. Сухие, официальные фразы о пропаже садового украшения. И внизу — пометка отца, сделанная уже другим, усталым почерком: «Ночью унесли прямо из клумбы». Звучало это не как служебная запись, а как личный, многострадальный вздох.

Тейлор закрыл папку. С одной стороны — потенциально опасный незнакомец. С другой — пропавший гном. Контраст был настолько абсурден, что у него дрогнули уголки губ. С этого началась его новая жизнь шерифа.

— Ладно, — твёрдо произнёс он и поднялся. — После встречаемся здесь.

Маялс кивнул, сунул руки в карманы и, не оборачиваясь, пошёл в сторону главной улицы — разбираться с новым соседом Бёрнса. Тейлор постоял секунду, глядя ему вслед, потом поправил ремень и вышел сам.

Солнце уже поднялось выше, но грело всё ещё по-утреннему — светло, но не жарко. Почему то складывалось ощущение, что сегодня будет дождь. Тени от домов лежали на тротуаре длинными, косыми прямоугольниками. Где-то за углом лаяла собака. Где-то дальше, на заправке, звякнул колокольчик — клиент заехал.

Тейлор не спешил. Он достал блокнот, открыл на чистой странице. Карандаш забегал по бумаге, выводя знакомые, но каждый раз новые линии.

Лицо солдата. Не мёртвое — нет, живое, но такое, будто жизнь уже вышла из него, оставив только оболочку. Прямая линия рта, впалые щёки, глаза, которые смотрели сквозь этот мир, не видя никого. Тейлор добавил тень над скулой, слишком глубокую для простой усталости, и морщину на лбу, которую не сгладит даже сон.

Он закрыл блокнот, сунул во внутренний карман куртки.

И пошёл дальше. Медленно. Не спеша. Форма шерифа всё ещё сидела на нём непривычно — новым ремнём давило, звёздочка на груди поблескивала так, что хотелось её прикрыть. Но люди, попадавшие навстречу, здоровались. Кивали. Кто-то даже сказал «доброе утро» первым — веснушчатый парень с, на удивление, тёмными глазами, возившийся с мотороллером у крыльца.

Свои, — подумал Тейлор. — Хоть и чужие, а свои.

На углу, у бакалейной лавки миссис Гаррисон, стояли две пожилые женщины. Обсуждали что-то с таким жаром, будто от этого зависела судьба мира. Одна, в ситцевом платье и бигуди под косынкой, размахивала сумкой. Вторая, сухонькая, в очках с толстыми линзами, согласно кивала, но по лицу было видно — не слушает. Просто кивает, потому что так положено.

Увидев Тейлора, обе замолчали. Проводили взглядами. Он кивнул им — коротко по-соседски. Они кивали в ответ, и когда он прошёл, зашептались снова, но теперь, кажется, про него.

Город, — усмехнулся про себя Тейлор. — Здесь даже мухи не пролетят незамеченными.

Дальше, за почтой, начинались частные дома. Здесь было тише — только птицы и далёкий стук топора: кто-то что-то чинил. Возле одного из палисадников, огороженного низким штакетником, возилась девчушка лет семи — поливала из лейки цветы, которые поникли от жары. Увидев шерифа, она замерла, вытаращила глаза и спряталась за лейку, будто он мог её съесть.

Тейлор улыбнулся. Она не выглянула.

Потом был дом старого аптекаря. Ставни закрыты.

И вот он — дом миссис Парсон.

Небольшой, аккуратный, с палисадником, где цвели жёлтые и синие цветы, названий которых Тейлор не знал. Крыльцо крашено свежей краской — видно, недавно обновляли. Занавески на окнах белые, кружевные, чуть пожелтевшие от времени, но чистые.

Тейлор остановился у калитки. Вдохнул. Выдохнул.

Поднялся на крыльцо и поднял руку, чтобы постучать.

Дверь открылась сразу, словно она ждала именно его. Сухая, прямая фигура в проёме, цепкие глаза, в которых мгновенно мелькнуло узнавание.

— Ты как и гном, Тейлор, — сказала она, и в голосе прозвучало что-то между упреком и радостью. — Сбежал. Но вернулся.

Ему будто ударили в грудь. Нога сама отступила назад на ступеньку крыльца.

Воспоминание нахлынуло мгновенно. Ему было лет двенадцать. Футбол во дворе, крикливые ребята, мяч летит выше, чем он рассчитывал, и со звоном выбивает стекло в доме миссис Парсон. Паника. И ощущение, что весь город против него.

Разбитое окно вынесли на повестку городского совета. Настоящий цирк. В отсутствие реальных проблем взрослые подошли к делу с максимальной серьёзностью, обсуждая, как будто речь шла не о стекле, а о чести города. Кто-то требовал «наказать, чтобы другим неповадно». Другие качали головами, вспоминая его отца в детстве и, что «яблоко от яблони».

И только миссис Парсон встала и заговорила. Её слушали с недоверием, но слова были такими, что Тейлор запомнил их навсегда.

Она сказала, что есть люди, которые ломают чужие окна, смеются и бегут дальше. Но есть и такие, кто ломает и винит себя так, будто разбил не стекло, а судьбу. И если мальчик винит себя больше, чем могли бы наказать взрослые, — его надо не карать, а учить прощать себя.

Тогда мало кто согласился. Но он — запомнил.

И вот она снова стоит перед ним, её глаза прожигают до самого нутра.

— Зачем ты пришёл, Тейлор? — тихо спросила миссис Парсон. — За гномом или за собой?

Тейлор не заметил, как оказался за её столом. В этом было что-то неизбежное: шаг через порог — и уже чашка чая в руках, аромат сухих трав, потрескивание старого чайника на плите. Взгляд упал на окно, за которым уже накрапывало. Ощущения не подвели — дождь.

Миссис Парсон говорила о пустяках. О том, что мистер Лоусон снова перекрасил забор в цвет морской волны, хотя обещал больше «не позориться». О том, что у аптекаря родился внук, и теперь половина города слышит, как он гордится этим в каждом разговоре. Она рассказывала это, помешивая чай, не глядя на Тейлора.

Но стоило ей сесть напротив, в кресло, заскрипевшее под её лёгкой, но упрямой фигурой, как тон её изменился.

— Знаешь, Тейлор, — сказала она, словно обращаясь не к нему, а к чему-то внутри себя. — Она всегда знала, что её мир — здесь. В этом городе. Семья, работа, привычные лица. Магазин, кафе, ферма — не так уж важно что именно. Её не нужно было большего.

Тейлор почувствовал, как невидимая нить натянулась. Он знал, к чему она ведёт.

— А ты, — продолжала Парсон, голосом мягким, как чайный пар, — всегда считал, что она слишком простая для твоих амбиций.

Тейлор сжал чашку в ладонях.

В этот момент миссис Парсон впервые подняла на него глаза. В них не было ни осуждения, ни жалости — только неподвижная ясность.

— Я думаю, Тейлор, она была корнями, — сказала она тихо. — А ты хотел быть ветром. Холодный пот выступил у него а спине.

Парсон снова отвела взгляд, словно устала, и голос её потеплел.

— Когда ты уезжал, она бы не удерживала, скажи ты об отъезде. Но ждала.

Тейлор мысленно добавил: писала, а я отвечал всё реже. Потом — вовсе перестал.

— Это стала её личная рана, — закончила Парсон. — А для города — поводом осудить тебя.

Тишина, что воцарилась после этих слов, была тяжелее любых обвинений. Чай в его чашке остыл, но Тейлор не сделал ни глотка. — Что мне делать?

— Поговори с ней. Когда будешь готов.

Он поднял голову. Миссис Парсон смотрела на него спокойно, без тени осуждения или жалости. Только неподвижное, выверенная годами ясность.

— Спасибо за чай, — сказал Тейлор, поднимаясь. — И за... за всё. Мне пора.

Она кивнула, провожая его до двери. У порога остановилась, положила ладонь на его руку — сухую, тёплую, с выступающими венами.

— Любовь, Тейлор, не умирает от разлуки, — сказала она негромко. — Она умирает от молчания. От того, что один боится сказать, а второй — услышать.

Он не нашёл, что ответить. Только кивнул, переступил порог и вышел.

Сел в машину. Завёл двигатель. Нужно было возвращаться с офиса. Он уже взялся за рычаг коробки передач, чтобы сдать назад и вырваться на главную улицу, как вдруг его рука замерла.

Он посмотрел на дорогу, ведущую к фермам. Рука сама переключила передачу.

И «Форд» покатил в их сторону...

VI

Моросящий дождь превращал землю фермы в липкую, чёрную кашу. Эшли, в промокшем насквозь плаще и больших резиновых сапогах, возилась у старого сарая. Она сидела на корточках перед старой, полуслепой кобылой по кичке Молли, которую отец уже давно предлагал «отправить на покой».

Молли стояла, тяжёло дыша, её бок был мокрым от дождя и... крови. Глубокий порез зиял на её ляжке.

— Тихо, девочка, тихо, — бормотала Эшли, её голос был низким и успокаивающим, совершенно не таким, каким она разговаривала с большинством людей.

Она не бегала в панике, не звала отца. Она действовала чётко и методично, как хирург на поле боя. Ведро с тёплой водой, чистая тряпка, бутылка с перекисью, которая шипела и пузырилась, касаясь раны. Молли дёргалась, и её крупная дрожь пробегала по её мокрой шкуре.

— Я знаю, больно, — говорила Эшли, прижимая ладонь к её шее, чувствуя под пальцами частый пульс. — Потерпи немного. Это необходимо, правда.

Она не брезговала, не морщилась. Её пальцы, сильные и уверенные, промывали рану, вытаскивали мелкие занозы. Потом пошла в ход толстая игла и суровая нитка. Игла входила в плоть, Эшли делала аккуратные стежки, её лицо было сосредоточенным, почти отрешённым. В её движениях не было ни жалости, ни сантиментов. Было понимание, которое она невольно передала и Молли. Та терпела. Ждала. А понимание того, что боль — это часть жизни здесь, и её нужно просто пережить, не боясь.

Из дождя возник Джек. Он постоял молча, глядя на её работу, на её сгорбленную спину.

— Я же говорил, старую клячу пора...

— Она не кляча, — не оборачиваясь, перебила его Эшли. — Она двадцать лет таскала наши телеги. Она заслужила покой, чтобы за ней поухаживали.

Отец что-то пробормотал себе под нос, но не стал спорить. Он просто бросил к её ногам чистый рулон бинта и, подойдя к двери сарая, обернулся, будто собирался поделиться с ней чем-то, но передумал. Вышел.

Эшли закончила зашивать рану, наложила повязку и только тогда выпрямилась, с трудом разгибая затёкшую спину. Она прислонилась лбом к влажной шерсти кобылы, закрыла глаза и несколько секунд просто стояла так, слушая её тяжёлое, ровное дыхание. На её лице была не усталость, а тихое удовлетворение от сделанной работы.

— Всё, мамаша, — прошептала она, похлопывая Молли по шее. — Выживешь. Я же сказала.

Она повернулась и увидела... Тейлора.

Он стоял в проходе, под дождём, и смотрел на неё. Стал свидетелем этой сцены.

Тейлор видел не объект своей старой любви и не холодную, обиженную женщину.

Он увидел силу.

Не ту, что носят напоказ, с револьвером на поясе или громкими словами о справедливости. А другую — тихую, вьёвшуюся к коже, в руки, в осанку. Она стояла по колени в грязи, в прожжённой куртке, с волосами, которые давно выбились из косы и прилипли к мокрому лбу. Пальцы её, перепачканные кровью и мазью, уверенно держали игру, и когда лошадь дёрнулась от боли, она не отдёргивала руку, а только сильнее прижимала ладонь к тёплой шее и говорила что-то тихое, успокаивающее.

«Тихо, девочка, тихо. Я знаю, больно» — он не слышал слов, но видел, как шевелятся её губы, и почему-то точно знал, что она говорит именно это.

В ней не было ни капли той хрупкости, которую он когда-то, мальчишкой, считал женственной. Не было и той затвердевшей озлобленной брони, в которую зачем-то заковала себя она сама при встрече у закусочной. Было что-то другое. Какая-то корневая, глубинная основа, которая держала её прямо под любым ветром.

Она не просила помощи. Не оглядывалась. Она просто делала сама. Потому что это было надо. Потому что по-другому она не умела.

И в этом жесте — в том, как она прижималась лбом к влажной лошадиной шее, закрывая глаза на секунду, чтобы потом снова взяться за работу, — было столько жизни, сколько он не видел за все десять лет в Нью-Йорке.

Там, в городе, сила была другой. Громкой, нахрапистой, с острыми локтями и железной хваткой. Там побеждал тот, кто громче всех кричал и быстрее всех бежал по головам. А здесь... здесь сила была в том, чтобы встать затемно, идти в хлев, доить, чинить, зашивать, хоронить и снова вставать — и так каждый день, без выходных, без благодарностей, без надежды на то, что кто-то скажет «спасибо».

Она и не ждала «спасибо». Она просто жила. Изо всех сил, до хруста в костях, до кровавых мозолей — жила.

И глядя на неё сейчас, Тейлор вдруг с пронзительной ясностью понял то, что, наверное, знал всегда, но боялся признаться: он уехал не в поисках лучшей жизни. Он сбежал. От этой силы, от этой тяжести, от этой земли, которая требовала не таланта и не амбиций, а простого, каждодневного, изматывающего труда. Он выбрал лёгкий путь — и только сейчас, глядя на неё, покрытую грязью и потом, осознал, что лёгких путей не бывает. А если и бывают, то ведут в никуда.

Она же никуда не бежала. Она осталась. И выстояла.

И от этого открытия у него внутри что-то перевернулось. Тяжело, со скрипом, как много лет не открывающаяся дверь.

Эшли заметила его взгляд. Смущение мелькнуло в её глазах — она была в грязи, растрёпана, пахла лошадьми и лекарствами. Но она не опустила глаза и не стала оправдываться. Она просто кивнула ему, коротко и деловито, будто он был соседом, заглянувшим на огонёк.

— Тейлор, — бросила она, вытирая руки о плащ. — Подожди в доме, поставь чайник. Я сейчас.

И снова повернулась к лошади, чтобы убрать инструменты, совершенно не подозревая, что только что, в эти несколько минут под этим морозящим дождём, она стала для него не воспоминанием, а реальным, самым сильным и притягательным человеком в этом городе. Он осознал свою ошибку, уехав от неё.

Тейлор вошёл в дом, снял промокшие куртку, кепку и повесил их на гвоздь у двери. В воздухе пахло тёплым хлебом, воском и сушёными травами. Тиканье старых часов на стене казалось оглушительно громким после шума дождя. Он поставил на плиту чайник и стоял, глядя на прыгающее синее пламя, пытаясь привести в порядок дыхание и мысли.

Он услышал, как скрипнул дверь, и обернулся.

Эшли стояла на пороге, скинув грязный плащ и сапоги. Она была босиком, в простом ситцевом платье, волосы выбились из неудачной косы и прилипли к влажному лбу.

Их взгляды встретились. И всё вокруг перестало существовать. Тиканье часов, шипение чайника, шум за окном — всё растворилось в густой, звенящей тишине, что повисла между ними. Он видел в её глазах усталость, гордость, смущение и ту самую, давно знакомую боль,

которую они оба носили в себе. Она видела в его взгляде не проверяющего шерифа, а того самого мальчишку, который когда-то с охапкой полевых цветов ждал её в беседке. Взгляд его был голым, беззащитным и полным такого немного вопроса, что у неё перехватило дыхание.

Никто не сказал ни слова.

Тейлор первым отвёл глаза, словно не в силах выдержать этот взгляд. Он молча повернулся к столу, взял свой потёртый портфель и достал оттуда пару бланков. Он приехал с плановой проверкой учёта скота — обычная рутина для шерифа в сельской местности (ему же нужен был предлог). Но сейчас это казалось такой же глупой и ненужной формальностью, как и всё остальное в этом мире, кроме неё.

Он быстро, почти не глядя, заполнил нужные графы — фамилию, адрес фермы, галочку напротив «Проверка проведена. Нарушений не выявлено». Его почерк, обычно такой чёткий, был немного сбивчивым. Он оторвал листок от копирки и молча, не глядя на неё, протянул его.

Эшли медленно подошла. Её пальцы коснулись бумаги, и на секунду они коснулись его пальцев. Оба вздрогнули, будто от удара током. Она взяла документ, скользнув по нему взглядом. Кивнула. Снова воцарилась тишина, но теперь она была наполнена тысячью несказанных слов, упрёков, просьб и признаний.

Чайник засвистел. Эшли вздрогнула, оторвавшись от его взгляда, и механически разлила чай по двум кружкам. Аромат мяты, мелиссы и чего-то ещё, неуловимого, заполнил комнату. Она поставила кружку перед ним. Он кивнул в знак благодарности.

Они пили чай молча, стоя у разных концов стола, не в силах снова посмотреть друг на друга. Этот травяной, терпкий напиток был вкусом её дома, её мира, который он когда-то счёл слишком тесным для себя. И теперь этот вкус обжигал ему горло тоской по тому, что он потерял.

Тейлор допил чай до дна и поставил кружку на стол.

— Мне пора, — его голос прозвучал хрипло.

Эшли лишь кивнула, не поднимая головы.

Он вышел на крыльцо. Дождь почти прекратился, оставляя после себя лишь морозящую изморось и свежий, чистый запах омытой земли. Он сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках.

И тут из-за угла дома появился Джек, отец Эшли. Он шёл, перемазанный в машинном масле, с разводным ключом в руке. Увидел Тейлора, он остановился и сурово уставился на него.

Тейлор выпрямился, мгновенно надевая маску официального лица.

— Проверка окончена. Нарушений не выявлено. Все документы в порядке. — Он сделал небольшую паузу, добавляя чуть мягче: — У вас хорошее хозяйство.

Джек молча изучал его несколько секунд, его внимательный взгляд, казалось, видел всё — и растерянность Тейлора и невысказанное напряжение, витавшее в воздухе. Он тяжело вздохнул, и что-то в его суровом лице смягчилось.

— Ладно, — буркнул он. — Спасибо, что заехал.

Он неожиданно шагнул вперёд и похлопал Тейлора по плечу — коротко, по-мужски, без враждебности. Потом развернулся и, не сказав больше ни слова, зашёл в дом, хлопнув дверью.

Тейлор остался стоять на крыльце один, под морозящим дождём, чувствуя на плече тепло ладони Джека и ледяной холод собственного одиночества. Он сделал шаг к своей машине, потом ещё один, не в силах оторвать взгляд от окна кухни, за которым осталась его настоящая, единственная жизнь.

VII

Маялс вернулся в офис шерифа спустя час после самого шерифа.

Тейлор сидел за столом, не слыша его шагов. Перед ним, раскрытый на середине блокнота, лежал рисунок. Эшли. Та, что под дождём, в сарае, с иглой в руке. Волосы прилипли к щеке, куртка промокла, но не это приковывало взгляд.

Её глаза.

Тейлор смотрел на них и не мог отвести свои. Нарисованные карандашом, всего несколькими штрихами, они жили своей, отдельной жизнью. Пронзительные, чуть усталые, с лёгким прищуром — в них было всё: и боль, и сила, и то, что он когда-то назвал «корнями», а теперь не знал, как назвать. Они затягивали, как омут, — чем дольше смотрел, тем глубже погружался.

Он не услышал, как открылась дверь. Не заметил Маялса, пока тот не кашлянул, привлекая внимание.

— Шеф? — голос помощника прозвучал неуверенно.

Тейлор вздрогнул, захлопнул блокнот.

— Что у тебя? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ваш опасный преступник — с напускной важностью провозгласил Маялс, плюхаясь на стул, — оказался профессором юриспруденции на пенсии. Мистер Эдраг Торн. Сбежал от городской суеты, пишет книги, готовит несколько местных умников к поступлению. В общем, угроза национальной безопасности.

— Кого готовит?

— Райт, Стоун. Иногда заглядывает некий блондин. Торн назвал его Мэл, отмечая, что с его связями, едва ли полезно тратить время на подготовку...

Тейлор сдержанно улыбнулся.

— А с газоном-то что?

— Предлог. Бёрнс, тот ещё гад, потихоньку сдвигает забор на заднем дворе в сторону участка Торна и утверждает, что так было всегда. Профессор, человек педантичный, сначала пытался действовать по закону — писал письма, требовал межевания. Потом, видимо, его переключило. Он нашёл способ мести без прецедента в судебной практике.

— И каков же он? — Тейлор с интересом откинулся на стуле.

— Каждое утро ровно в семь он выходит в халате и носках до колен, садится на стульчик лицом к дому Бёрнса и... читает вслух. Громко. Очень громко. Не проклятия, нет. Он читает вслух учебник по муниципальному праву. Монотонно, без выражения, по часу.

— Бёрнс, ясное дело, сходит с ума. Его идеальный мирок рушится от этого бормотания. Он вызвал копа из округа — тот развёл руками. Подал в суд — судья, посмеявшись, сказал, то не видит нарушения прав. Право гражданина на свежий воздух и чтение литературы на своём участке ещё никто не отменял. Потом выдуманная история с колесом на газоне...

— И как ты это разрешил? — спросил Тейлор, с трудом сдерживая улыбку.

— Свёл их вместе у этого чёртового забора. Выслушал обоих. Потом взял и сказал: «Вот что, джентльмены. С этого момента, на каждый вызов любого из вас по этому поводу, я буду приезжать. Но я не буду ничего замерять и ничего слушать. Я буду ставить машину ровно посередине вашего спора. На этот газон. И буду сидеть в ней ровно три часа. С включённой сиреной на пять минут в начале каждого получаса. Для профилактики. Чтобы не забывали, как выглядит настоящая помеха спокойствию».

Он сделал паузу, наслаждаясь эффектом.

— Бёрнс побледнел. Профессор, к моему удивлению, улыбнулся — видимо оценил элегантность угрозы. Потому что это, по его же словам, «не подпадает ни под один кодекс, но является прекрасным примером эффективного административного сдерживания». Бёрнс про-

бормотал что-то и тут же забрал заявление. Оба остались мной недовольны, но оба слишком боятся моих трёх часов с сиреной, чтобы продолжать эту войну.

Тейлор смотрел на него со смесью удивления и одобрения. Маялс не применил силу, не угрожал арестом. Он использовал их же оружие — абсурд — и нашёл столь же абсурдный, но идеально работающий в условиях маленького городка способ решения проблемы.

— Неплохо, резервист, — кивнул Тейлор. — Неплохо.

Маялс лишь пожал плечами, делая вид, что это ерунда, но в его глазах читалась та самая искра, которой не было очень давно.

А дальше начались рабочие будни со своими нюансами.

Их, этих самых нюансов, оказалось куда больше, чем Тейлор ожидал, когда соглашался «всего на месяц, пока не пришлют кандидата из округа». Город, который со стороны казался тихим и сонным, изнутри бурлил мелкими страстями, старыми обидами и неожиданными происшествиями.

Началось всё со звонка, который разорвал тишину офиса на следующее же утро.

Тейлор снял трубку, ожидая услышать жалобы на соседскую собаку или заезжего коммивояжёра.

В трубке послышался сдавленный, истерический шёпот. Женский.

— Шериф?.. Это Нэнси Уилкс.

— Что случилось? — Тейлор автоматически взял в руки блокнот, хотя рука ещё не тянулась к ручке.

— Джо... Мой муж... Он с ружьём... — голос её оборвался, перешёл в нервный вскрик. — Он говорит, что к дому подбираются шпионы, коммунисты... Никого нет! Он никого не пускает, даже меня... Он... он не в себе, шериф! Он кричит, что будет стрелять...

Ледяная волна прошла по спине Тейлора. Джо Уилкс. Старый ветеран Мировой войны. Тихий, замкнутый человек, который ещё и до отъезда Тейлора, часто прикладывался к бутылке. Чтобы такое...

— Он один в доме? Дети? Внуки?

— Внук у моей сестры... Я выбежала к соседям... О, господи, он сейчас выстрелит!

На заднем фоне послышался приглушённый, но отчётливый рык мужского голоса и глухой удар, словно от удара прикладом о стену.

— Сидите там и не выходите, — тихо, но чётко приказал Тейлор. — Я выезжаю.

Он бросил трубку. Схватил со стола ключи и револьвер, выскочил на улицу.

По дороге к дому Уилксов, он по рации вызвал скорую и запросил подмогу из округа, зная, что те будут ехать минимум сорок минут.

Дом Уилксов стоял на отшибе, за старой лесопилкой, что на краю границы ферм. Подъехав, Тейлор заглушил двигатель за поворотом и пошёл пешком. Подъезжать на шумной машине было самоубийством.

Воздух был тих и неподвижен. Слишком тих. Ни птиц, ни лая собак. Только треск цикад и собственное громкое сердцебиение.

Дверь дома была приоткрыта. На крыльце валялась перевёрнутая табуретка и осколки разбитой тарелки.

— Джо! — крикнул Тейлор, оставаясь в укрытии за углом сарая. — Это шериф Тейлор! Выходи поговорить!

Ответом был одинокий, оглушительный ружейный выстрел.

Пуля ударила в стену сарая в метре от его головы, подняв облако краски и щепок. Тейлор инстинктивно пригнулся, сердце ушло в пятки.

— Убирайся! — проревел из дома охрипший, незнакомый голос. — Я всех вас знаю! Всех! Убирайся, пока жив!

Тейлор прижался спиной к шершавой двересине сарая, пытаясь отдышаться. Паника, холодная и липкая, подбиралась у горлу. Он был не в Нью-Йорке. Он был один в этой забытой Богом глуши, против вооружённого и невменяемого человека, который только что стрелял в него.

Он вспомнил отца. Что бы сделал он? Он бы не полез на рожон. Он бы ждал. Вёл переговоры. Но скорой и подмоги могло не быть вовремя. А Джо Уилкс мог направить ствол на себя или на жену, если бы та попыталась вернуться.

Тейлор сделал глубокий вдох, с силой выдохнул. Он снял шерифскую шляпу и осторожно высунул её за угол. Выстрела не последовало. Значит, Джо был не там, откуда стрелял в первый раз.

— Джо, я не шпион и не коммунист! — крикнул он снова, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и твёрдо. — Я Тейлор. Сын твоего старого шерифа. Помнишь? Мы как-то ловили с тобой ту лису, что душила твоих кур.

Из дома донёслось неразборчивое бормотание. Слово «лиса» явно задело какую-то струну.

— Она опять тут! — вдруг закричал Джо. — Я её вижу! Крадётся, рыжая тварь!

Тейлор медленно выглянул. В окне гостиной мелькнуло движение. Джо стоял, прижавшись щекой к прикладу винтовки и целился куда-то в сторону кустов.

Это был его шанс. Тейлор выскочил из-за укрытия и короткими перебежками ринутся к крыльцу. Сердце бешено колотилось, каждый мускул был напряжён в ожидании выстрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.